

И Элизабет Эбботт
История
целибата

УДК 930
ББК 63.3
Э13

Elizabeth Abbott. A History of Celibacy

Conceil des Arts an Canada

Издательство выражает благодарность канадскому Совету по искусству и канадскому Министерству иностранных дел и внешней торговли за финансовую поддержку в издании книги

Дизайн – Александр Архутик

Эбботт, Элизабет

Э13 История celibата / Пер. с англ. М. М. Гурвица. – М.: Этерна, 2016. – 856 с.

ISBN 978-5-480-00323-9

Флоренс Найтингейл не вышла замуж. Леонардо да Винчи не женился. Монахи дают обет безбрачия. Заключение вынуждены соблюдать celibат. История повествует о многих из тех, кто давал обет целомудрия, а в современном обществе интерес к воздержанию от половой жизни возрождается. Но что заставляло – и продолжает заставлять – этих людей отказываться от сексуальных отношений, того аспекта нашего бытия, который влечет, чарует, тревожит и восхищает большинство остальных?

В этой эпатажной и яркой монографии о celibате – как в исторической ретроспективе, так и в современном мире – Элизабет Эбботт убедительно опровергает широко бытующий взгляд на celibат как на распространенное преимущественно в среде духовенства явление, имеющее слабое отношение к тем, кто живет в миру. Она пишет, что celibат – это неподвластное времени и повсеместно распространенное явление, красной нитью пронизывающее историю, культуру и религию. Выбранная в силу самых разных причин по собственному желанию или по принуждению практика celibата полна впечатляющих и удивительных озарений и откровений, связанных с сексуальными желаниями и побуждениями.

УДК 930

ББК 63.3

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме – графической, электронной или бумажной – без письменного согласия владельца авторских прав

ISBN 978-5-480-00323-9 (Россия)
ISBN 0-00-255735-5 (США)

© 1999 by Elizabeth Abbot
© М. М. Гурвиц, перевод, 2016
© ООО «Издательство «Этерна»,
издание на русском языке, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Проблема целибата / 17

ГЛАВА 1

Божественный целибат язычников / 31

ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ / 34

Афина, Артемида и Гестия / 34 Мифические девственницы / 42

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА / 46

Ипполит против любви / 46 Ультиматум Лисистраты / 49

КЛАССИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ / 54

*Тесмофории / 54 Благая богиня / 56 Культ Исиды / 58
Дельфийский оракул / 61 Целомудренныи жрицы / 62 Весталки / 64*

ЯЗЫЧЕСКИЙ И ЕВРЕЙСКИЙ АСКЕТИЗМ / 72

*Влияние греческой философии / 72
Подготовка эссеев к Армагеддону / 75*

ГЛАВА 2

Раннее христианство / 79

ИСТОКИ / 81

Притча о двух женщинах / 81

Ужесточение мученичества новой религии / 87 Второе пришествие / 91

Аве Мария? Все большая непорочность Девы Марии / 98

Бойкот чрева энкратитами и гностиками / 106

«Господи, дай мне целомудрия и умеренности,
но только не теперь» / 112

НЕОБЫЧНЫЕ ДЕВСТВЕННИЦЫ / 120

Матери Церкви / 120 Монахини в мужском обличье / 136

Бородатые святые женщины / 148

ЦЕЛИБАТ В ПУСТЫНЕ / 150

Новая азбука сердца отцов–пустынников / 150

Целомудрие Симеона Столпника на высоте шестидесяти футов / 162

Выйти замуж за «настоящего мужчину» / 165

ГЛАВА 3

Христианство более поздних эпох / 181

ЦЕЛИБАТ И СЛУЖИТЕЛИ ЦЕРКВИ / 183

Средневековые восточные монастыри / 183 Западные монастыри / 189

Мартин Лютер о ночных семяизвержениях / 195

Целибат – один, похоть – ноль / 196 Вступать в брак или не вступать / 198

АПОСТОЛЬСКИЕ СЕСТРЫ / 214

Начнем с бегинок / 214 Женщины не от мира сего / 221

Мэри Уорд, которая была «всею лишь женщиной» / 224

ХРИСТОВЫ НЕВЕСТЫ / 227

Екатерина Сиенская / 228 Хильдегарда Бингенская порицает пост / 237

Мать Антония в пурпурной мантии Христа / 239

Святая могавков – Катери Текаквита / 244

СЕСТРЫ, ПОСВЯТИВШИЕ ЖИЗНЬ ГОСПОДУ / 253

Обители радости / 253

Выдающаяся писательница мать Марсела де Сан–Феликс / 260

МОНАХИНИ ПОНЕВОЛЕ / 272

Целибат под страхом смерти / 274

Прерванная любовь монахини поневоле / 281

СВЕТСКИЙ ЦЕЛИБАТ И БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ / 285

Госпожа Марджери Кемп в белых одеждах / 289

Шейкеры / 297 Отец Дивайн / 308

ГЛАВА 4

Другие основные религии и ритуалы / 321

ИНДУИЗМ / 325

Шива – бог эротика и целибата / 325 Целибат поэтапно / 327

Современный целибат орденов саньясинов / 333 Дочери Брахмы / 337

БУДДИЗМ / 343

Будда и его заповеди / 343 Мужчины и женщины в монастырях / 346

ДЖАЙНИЗМ / 354

РИТУАЛЬНЫЙ ЦЕЛИБАТ / 360

Целибат и чары шаманов / 360

Целомудренныe супруги ревнивых богов / 368

ДЕВСТВЕННЫЕ ЖРИЦЫ СОЛНЦА / 371

Акльи империи инков / 371 Происхождение картофеля / 375

Надитум в Вавилонии / 376

БЛАГОСКЛОННЫЕ К СЕКСУАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ РЕЛИГИИ:

ИУДАИЗМ И ИСЛАМ / 379

Иудаизм / 379 Ислам / 382

ГЛАВА 5

Целибат для сохранения спермы / 385

TOTUS HOMO SEMEN EST / 389

Сохранение жизненной силы / 389

Дэви Крокетт и «Движение за мужскую чистоту» / 398

Диета Джона Харви Келлога для снятия сексуального напряжения / 403

Что следует знать каждому канадскому мальчику о сперме / 406

СИЛА СПЕРМЫ В СПОРТЕ / 411

Греки тренируют здоровый дух в непорочном теле / 412

Викторианцы упражняются в «мускульном христианстве» / 416

Чероки играют в мяч / 419 Непорочные спортсмены нашего времени / 422

Индийские борцы / 427

БРАХМАЧАРЬЯ И СИЛА СПЕРМЫ / 432

Подвижничество целибата / 432 Женщины Ганди / 434

Сперма как эликсир патриотизма / 445

ГЛАВА 6

Женский целибат преступает пределы пола / 451

ПЕРЕОДЕВАНИЕ МУЖЧИНОЙ ДЛЯ ВОЕННОГО УСПЕХА / 453

Жанна д'Арк / 453 Трансвестизм племени кроу / 461

Амазонки древней Дагомеи / 465

ПЛАНИРУЕМАЯ НЕПОРОЧНОСТЬ / 468

Незамужние девы Британии против секса / 468

Объединенные незамужние женщины / 472

Сексология против «окаляющего оружия смерти» / 477

ОТКАЗ ОТ ЕСТЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ / 482

Елизавета I, королева–девственница / 482 Флоренс Найтингейл / 492

ГЛАВА 7

Целибат как долг женщины / 499

ЦЕЛИБАТ КАК ГАРАНТИЯ ЗАМУЖЕСТВА / 501

Непорочность невесты гарантирует отцовство / 501

Девственницы и обесчещенные девушки / 507

Проверка на непорочность / 514

Исключительные непорочные холостяки у ацтеков и народа энга / 518

ЭТОТ НАДОЕВШИЙ ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ / 526

Двойные стандарты и закон / 527 Шлюхи по найму / 532

Разгневанные женщины требуют непорочных мужчин / 536
Девственница за пять фунтов перевесила весы правосудия / 543
Белые женщины, черные мужчины / 547

СРЕДСТВА ПОДДЕРЖАНИЯ НЕПОРОЧНОСТИ / 554

Пояса целомудрия / 554 Женское обрезание / 559
Бинтование ног / 564

ГЛАВА 8

Воздержание во благо / 571

Нет любви – нет ребенка / 573 Послеродовое воздержание / 576
Пришло бабуле время завершать половую жизнь / 585
Добровольное материнство / 587

ГЛАВА 9

Вынужденный целибат / 591

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ЦЕЛИБАТ / 593

Время соблюдать целибат / 596
Весталки Санкт–Петербурга и Торонто / 602
Целибат во времена культурной революции Мао / 607
Целибат в полигамном браке / 610
Жертвы целибата при гендерном дисбалансе / 611

ЦЕЛИБАТ ВДОВСТВА / 614

Непорочность вдовства у индусов / 614
Сати как предельное воплощение пояса целомудрия / 620

ЦЕЛИБАТ КАСТРАТОВ / 623

Евнухи в греческой мифологии / 625
Кастрация в Китае – путь к карьере / 628
Рай византийских евнухов / 634 Евнух–полководец Нарсес / 637
Чернокожие африканские евнухи в Османской империи / 642
Хиджры в Индии / 646 Кастраты в опере / 651
Кастрация в наказание за преступление / 657

ГЛАВА 10

*Целибат для подавления нетрадиционной, или скорбной,
сексуальности / 663*

Леонардо да Винчи уклонялся от тюремного заключения / 666

Льюис Кэрролл развеял подозрения / 668

Джон Раскин избегал мерзких сексуальных отношений / 671

Сэр Исаак Ньютон врачевал разбитое сердце / 675

Бостонские браки славят романтическую дружбу / 676

ГЛАВА 11

Целибат от импотенции / 687

НЕЗВАННЫЙ ЦЕЛИБАТ / 689

Вялый как лист вчерашнего салата / 689

Проверка на импотенцию в дореволюционной Франции / 692

Целибат как реакция на вагинизм / 697

Ты можешь быть слишком худой – анорексический целибат / 699

ГЛАВА 12

Целибат в литературе / 707

Куртуазная, благородная и безответная любовь / 710

Мильтон и целомудренная леди / 714 Памела, Шамела / 717

«Крейцера соната» Толстого / 722

Непорочность двух полов Орlando / 726 Джудит Шекспир / 727

Мать Гарпа / 729 Целибат вампиров – до свертывания крови / 731

ГЛАВА 13

Новый целибат / 735

СЛАБЕЮЩИЙ АСКЕТИЗМ / 737

Ватикан провозглашает целибат блистательной драгоценностью / 740

Женоненавистнические исключения из папского правила целибата / 750

Католические священники голосуют ногами / 754

Третий путь софистики и плутовства / 758

Оглавление

Развод в духе Католической церкви / 761

Кровотечение / 763

«СИЛА ДЕВСТВЕННОСТИ» / 770

«Истинная любовь ждет» / 774 Движение молодых людей / 781

Сексуальность и контрреволюция / 793 Монашество нового века / 795

Целибат и неразделенная любовь / 796

Возрождение мирской непорочности / 798

Целибат лесбиянок против «смерти лесбийской кровати» / 813

ЦЕЛИБАТ В ЭПОХУ СПИДА / 816

Секс и СПИД / 819 Целибат и СПИД / 825

ЭПИЛОГ / 839

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ / 849

*Иву Пьеру-Луи
за его дар бесценной дружбы
в радости и в горе*

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Представляется уместным дать пояснения о сносках и библиографических указателях. Чтобы избежать многочисленных сносок, избыток которых перегружал предварительные варианты работы и затруднял восприятие текста, я сгруппировала основные источники по каждому разделу. Остальные сноски даны на приводимые цитаты или сведения. В источниках периодической печати указывается только имя автора и название статьи, а полные библиографические данные приводятся в разделе о библиографии.

Поскольку в книге речь идет о большом числе сюжетов, я пересмотрела первоначальную, слишком объемную библиографию и в соответствии с главами книги разбила ее на избранные библиографические разделы, которыми легче пользоваться. Благодаря этому теперь гораздо проще найти первоисточники по отдельным темам.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема целибата

Приступить к всестороннему изучению проблемы целибата меня побудили две причины. Первой из них и самой важной стала сенсация, о которой международные средства массовой информации сообщили в 1990 г. Несколько братьев во Христе в сиротском приюте «Маунт-Кашел» в провинции Ньюфаундленд, которые, по их собственному признанию, дали обет целибата, на самом деле занимались педофилией. Они молились, используя руки, языки, половые члены, а также ремни и цепи, которыми сковывали вверенных их попечению подкидышей. Второй причиной стало высказанное шепотом признание одной моей подруги о том, что муж нашей общей знакомой терпел измены жены, потому что *был непорочен*. Эта поразительная новость стала для меня введением в Новый Целибат¹.

Я приступила к работе, полагая, что целибат представляет собой добровольное воздержание от половой жизни. Надо отметить, что в долговременном плане такое воздержание мне представлялось неестественным. Не случайно поэтому первым рабочим названием книги было «Торжество неестественного: история целибата», а мои друзья в шутку окрестили ее «Сухой сезон».

Но время шуток в работе над книгой было недолгим. Очень скоро, углубившись в исследование, в итоге продолжавшееся шесть лет, я была поражена узостью моего подхода к проблеме, определявшегося христианским видением мира, и ее упрощенным определением. В разных районах мира в разные эпохи целибат составлял основной элемент существования людей. Во всем своем

¹ Термин введен Г. Браун в изданной в 1980 г. книге «Новый целибат». В пересмотренном издании 1989 г. она отмечает, что «воздержание представляет собой ответ на внешние факторы, а целибат – реакцию на внутренние побуждения». Автор полагает, что понятие «целибат» существенно шире, чем просто воздержание от половой жизни, поскольку его целью является индивидуальное развитие и внутреннее раскрепощение личности.

многообразии он определял жизнь не только служителей Церкви, но и мирян, распространяясь на людей всех возрастов, включая и совсем маленьких, и очень старых. Целибат практикуют вдовы и заключенные, тренирующиеся спортсмены и шаманы. Он наложил отпечаток на классическую поэзию и на лагерную литературу, на каноническое и гражданское право.

Куда бы я ни бросила взгляд, целибат мне виделся повсюду. Он слышался мне в сладкозвучных сопрано певцов-кастратов итальянской оперы, в отчаянных воплях девочек, которые не могли выйти из дому, потому что ради сохранения целомудрия им перебинтовывали ноги, и мальчиков, оскопленных ради того, чтобы их можно было использовать в мрачных гаремах и залитых солнцем храмах инков. Он пронизывал античную историю, накладывая отпечаток на давших обет безбрачия пифий Дельфийского оракула, порой работавших посменно, на девственную троицу – Афину, Артемиду и Гестию – величайших богинь греческого мира, и на царственных римских весталок. Его отзыв доносился до меня в словах Гамлета: «Уйди в монастырь!»¹, которыми он побуждал Офелию разделить судьбу огромного числа других нежеланных женщин, против воли заточенных в монашескую обитель.

Целибат гордо прошествовал по истории под множеством разных имен. К их числу относятся Жанна д'Арк, Елизавета I Английская, Флоренс Найтингейл. Сюда же можно причислить Махатму Ганди и его странные опыты с *брамачарьей*, когда он обнаженным проводил ночи вместе с достигшими брачного возраста молодыми женщинами, подвергавшими испытанию его целомудрие. Об этом же устами своего героя пространно рассуждает Лев Толстой в противоречивой «Крейцеровой сонате», донесшей миру его послание о целибате. Сюда же следует отнести Леонардо да Винчи, который боялся второго обвинения в нарушении норм сексуального поведения; сэра Исаака Ньютона, скорбевшего по покинувшему его любовнику; Льюиса Кэрролла, разглядывавшего проходившую перед его глазами вереницу молоденьких Алис в стране чудес, но не осмеливавшегося прикасаться к ним.

Целибату также отводится большое место в мировой медицинской литературе, ему посвящены пространные разделы в учебниках, он входит неотъемлемой частью в накопленную веками мудрость

¹ Перевод М. Лозинского. – *Здесь и далее прим. перев.*

культуры большинства народов. В этой связи были созданы многочисленные концепции и философские учения о значении спермы, равно как и подробные наставления об образе жизни и режимах, помогающих сохранять ценную, богатую белком семенную жидкость.

Кроме того, целибат несет в себе значительную символическую ценность. В типичных блюдах западной кухни можно найти следы впечатляющих общественных движений за целибат, направленных на поддержку безбрачия и подавление неумной похоти. Кого из нас хоть раз не порадовали кукурузные хлопья и крекеры из пшеничной муки крупного помола, созданные целомудренными Джоном Харви Келлоггом и Сильвестром Грэмом ради того, чтобы остудить жар чувственности и принести пользу здоровью? Кто не пользовался прищепкой, веником или циркулярной пилой – результатами изобретательной сублимации целомудренных шейкеров? Кого из нас хоть раз не приветствовали словами «Мир вам!», оставленными в наследство другим почтенным проповедником воздержания – отцом Дивайном?

В наше время в школах и студенческих городках многие юноши и девушки, разделяющие принцип «истинная любовь ждет»¹, придерживаются правил целибата. Целибат заявляет о себе и среди взрослых, провозгласивших себя «возрожденными девственниками». Он просматривается и в исхудавших телах голодающих женщин, стремящихся управлять своим телом, и в невинных рукопожатиях гомосексуалистов, которые отреклись от чреватых смертельной опасностью СПИДа половых отношений.

Целибат, как я вскоре поняла, поразительно отражает панораму действительности, всегда и везде связанную с человеческой природой. По мере расширения пределов исследования я уточняла рабочие определения, меняла названия, пересматривала гипотезы, в соответствии с которыми считалось, что целибат – явление неестественное, и все более внимательно относилась к тому, о чем свидетельствовали собранные мною материалы.

Моим вторым шутивно-ироническим названием стало «Кама-сутра целибата», которое точнее отражало суть проблемы, но

¹ «Истинная любовь ждет» – “True Love Waits (TLW)”: международное христианское молодежное движение, созданное в США в 1993 г., члены которого дают обет воздержания от половой жизни и сохранения непорочности до вступления в брак.

было слишком претенциозным: чем больше я читала, тем отчетливее понимала, что для создания работы о целибате такого же масштаба, как «Камасутра» в вопросах сексуального выражения, не хватит целой жизни. Значительно более реалистичной целью стало определение, объяснение и описание максимально большого числа проявлений целибата, с которым я смогла бы справиться. Именно такой подход в итоге и определил характер этой книги.

Я также предложила вариант определения целибата, отвергающий строго педантичные и бесполезные различия между такими терминами, как целибат, непорочность, невинность, целомудрие и девственность, являющиеся основными в моем исследовании. Дело в том, что, несмотря на сухие словарные различия, практически все эти термины являются синонимами. Рискую утомить читателя, процитирую «Словарь Уэбстера». Когда речь заходит о сексуальных отношениях, целомудрие, невинность или непорочность означают: «Воздержание от внебрачных сексуальных отношений, особенно применительно к женщинам. Сексуальное воздержание; целибат или девственность». Целибат – это «состояние безбрачия, особенно человека, давшего обет безбрачия». Наиболее точно понятие «девственность» может быть выражено как «состояние непорочности, целомудрие, положение женщины, не вышедшей замуж».

Я использую термины «целибат» и «непорочность» как взаимозаменяемые понятия, а «девственность» – так, как указано в «Словаре Уэбстера»: *Целибат или непорочность представляют собой состояние воздержания от сексуальных отношений, намеренное или по принуждению, продолжающееся в течение определенного или неопределенного времени.* Такое определение является одновременно простым и емким, а также скорее описательным, чем аналитическим. Оно представляет собой самый полезный и нравственный инструмент, который я могла придумать для исследования пленительного, вдохновляющего, волнующего, сложного, а порой странного образа жизни мужчин и женщин, дававших обет безбрачия во всем мире на протяжении всей известной нам истории человечества.

По мере продвижения моего исследования стали вырисовываться его основные темы и положения. Я начала постигать основные виды целибата, соблюдавшиеся человечеством. Постепенно путем проб и ошибок я создавала категории, в которых мои ма-

териалы со временем стали располагаться доступно и удобно. Нет ничего странного в том, что в первой части «Истории целибата» основное внимание уделяется порицающему сексуальные отношения и одержимому целибатом христианству, хотя его языческие и иудейские предшественники, в частности секта ессеев, сыграли немалую роль в ходе развития идей безбрачия. Свой вклад внесли в этот процесс и другие религии, в частности индуизм, в рамках которого возникали совершенно иные формы целибата, основанные на собственном, совершенно ином представлении о безбрачии.

Однако целибат лежит в основе самой сущности христианства, истории о чудесном рождении божественного ребенка смертной матерью-девственницей. Проблемы, в период раннего христианства владевшие умами как обращенных в новую религию, так и ее проповедников, сводились к толкованию природы, процесса и значения этого рождения. Дева Мария стала противоречивой фигурой, обсуждение которой активно продолжается уже два тысячелетия. Внимание христиан к целибату – от его пристрастного осуждения похотливой Евой, идеологического очищения Пресвятой Богородицей и нынешнего непримиримого отрицания брака священнослужителей – не стихает вот уже двадцать столетий, охватывая миллионы людей и наполняя западную цивилизацию идеалами и идеологией.

Сквозь призму христианского целибата я рассматривала тех женщин, которые усваивали это новое учение как инструмент, освобождавший их от каторжного труда в замужестве и от рождения детей. Сознательно соблюдая безбрачие, они превращали себя в независимых людей, которые много путешествовали, учились в условиях, когда образование было доступно лишь мужчинам, писали, проповедовали и сами распоряжались своей жизнью, нередко в целомудренной компании мужчин и женщин, разделявших их взгляды.

Первые из них – смелые и решительные матери-пустынницы, были современницами святого Павла. Целомудренная ревнительница веры Фекла проявляла чудеса храбрости перед лицом враждебной толпы, не страшилась ни того, что ее могли сжечь на костре, ни львов, ни медведей, ни быков, ни гнева разъяренного мужа, лишь бы вновь не вступать в половую связь. Позже средневековые бегинки – сторонницы апостольского образа жизни, тя-

готившиеся ограничениями и контролем монастырей, жили со своими родителями или в общинах – бегинажах. Каждый день они уходили из своих приютов и смешивались с бедняками, которым дали обет служения, защищая их от опасностей современного им общества лишь нравственной силой, которой их наделял обет соблюдения celibата. Другие глубоко религиозные женщины, жившие как в монастырских общинах, так и в миру, соблюдали celibат, полагая, что это одно из главных условий для того, чтобы быть причисленными к лику святых или блаженных. Святая Екатерина Сиенская и ее тезка Катери Текаквита, первая святая среди ирокезов, являют собой наиболее яркие тому примеры. Честолюбивые знатные аббаты руководили женскими монастырями и создавали почти независимые феодальные владения, где процветали образование и науки. Замужняя мирянка, рассеянная, но целеустремленная Марджери Кемп, боролась против обуревавшей ее чувственности, пока не обрела в браке непорочность – основное условие для ее посмертного причисления к лику блаженных.

С другой стороны, религиозные мужчины воспринимали налаженный на них celibат как постоянную борьбу с непрестанно терзавшей их похотью, искушением и унижением произвольных ночных семяизвержений. Стоявшую перед ними дилемму отражает искренняя молитва неизменно поглощенного собой блаженного Августина: «Господи, даруй мне целомудрие, но только не теперь». Непорочность несла им гораздо меньше преимуществ, чем женщинам, поскольку, будучи мужчинами, они по определению занимали в обществе господствующее положение. Болезненным следствием этого было их отношение к celibату как к некоему подобию неутоленного голода, который надо было терпеть, сносить как позор, но ни в коем случае не уступать его напору.

Двумя наиболее успешными движениями, связанными с celibатом за пределами монастырских стен, были движения, возникшие в Северной Америке в среде рабочего класса: во второй половине XVIII – XIX в. движение основанной матерью Анной Ли секты шейкеров, а в конце XIX–XX в. «Движение миссий мира», во главе которого долгое время стоял отец Дивайн. И в том, и в другом случае celibат составлял ключевой элемент созданных религиозных общин, неукоснительное соблюдение которого позволяло их членам преодолевать ограничения, налаженные на

женщин и негров, и проводить четкое разделение между белыми и черными. В общинах шейкеров царило равноправие, признавалась руководящая роль женщин – как белых, так и негритянок. Отец Дивайн, чернокожий сын получивших свободу рабов, возглавлял движение, объединявшее мужчин и женщин, белых и негров; он даже женился на белой канадке, которая, как и он, оставалась девственницей. Мать Анна и отец Дивайн придерживались схожих взглядов, и их успешная деятельность в целомудренных общинах доказала превосходство celibата над некоторыми глубоко укоренившимися в их обществах нормами поведения. Самое главное, пожалуй, здесь заключалось в том, что снималось возникавшее на почве сексуальных отношений расовое напряжение, что само по себе было огромным достижением.

Помимо повсеместно распространенного религиозного значения, еще одной темой, неизменно сопутствующей вопросу о celibате, является вопрос о силе спермы. Необходимость сохранения этой живительной влаги, или «ожизненной силы», приводила мыслителей самых разных стран и эпох – целителей Древней Греции, индийских мудрецов, спортивных тренеров и духовных реформаторов – к пропаганде идеалов celibата, дарующего состояние бодрости, энергичности и повышенных умственных способностей наряду с сохранением ценного запаса спермы. Французский писатель Оноре де Бальзак лаконичнее других сформулировал эту мысль, когда после окончания полового акта печально простонал: «Вот и еще один роман написан!»

С celibатом неизменно связан еще один сюжет, повсеместно относящийся к достижению духовного состояния, которое позволяет общаться с потусторонними силами. Так, шаманы и жрецы вуду в течение непродолжительного времени должны соблюдать воздержание от половой жизни в период ученичества и при отправлении ими своих ритуальных обязанностей. Такого рода celibат повышает их восприятие и чувствительность, тем самым вызывая к ним доверие со стороны божеств, ревностно взирающих на отношения своих служителей с иными смертными или божествами.

Более важная миссия возлагалась на весталок, охранявших священный огонь Рима, который составлял символическую сущность нации. От этих женщин требовалось соблюдать целомудрие не менее тридцати лет, и исполнять свои обязанности они должны

были преданно, ревностно и прилежно. Инки, у которых практиковалась аналогичная система, требовали вечной девственности от своих служивших богу Солнца *акль*, которых обычно выбирали из числа девиц покоренных народов, и потому они, как правило, играли основную роль в имперской политике примирения после завоевания.

Когда речь заходила о светских (но не обязательно неверующих) женщинах, бросавших вызов «естественному» порядку вещей, уготованному им их миром – раболепию, подобострастию и покорности, целибат принимал совсем иные формы. Жанна д'Арк и Великая Женщина – вождь индейцев кроу по-женски организовывали собственную жизнь военных предводительниц, включая ее сексуальный аспект. Британки XIX в. прославляли положение незамужних женщин, которые жили одни, вели независимый образ жизни и занимались профессиональной деятельностью. Флоренс Найтингейл противилась постоянному давлению семьи, отвергала поклонников и брак ради сохранения девственности и стремления превратить некогда позорное и презренное ремесло сиделки в повсеместно уважаемую профессию медицинской сестры. В Албании и Индии сельские жительницы (которых в современном западном обществе могли бы называть транссексуалами) клялись в вечном безбрачии, носили мужское платье, перенимали мужской образ жизни и становились фермерами. Елизавета I Английская, подверженная влиянию страстей и склонная к флирту, тем не менее всю жизнь хранила девственность и, несмотря на постоянные настойчивые советы придворных выйти замуж ради процветания нации, сумела так организовать собственное правление, что стала одним из самых выдающихся английских монархов.

Целибат проявляется и в менее жестких, не столь впечатляющих формах. Он используется для предотвращения зачатия и стимулирования плодовитости при последующих беременностях у кормящих матерей. В некоторых обществах стареющие женщины публично дают обет безбрачия, тем самым указывая на прекращение способности к деторождению или на нежелание нести его тяготы.

Однако характер целибата не всегда бывает позитивным. Прежде всего, это касается большого внимания, которое во многих обществах уделяется девственности невест, что придает такому

проявлению целибата явно уродливый оттенок. Изящные девичьи ножки уже не перебинтовывают, а пояса целомудрия ржавеют среди других музейных диковин, но женское обрезание и «убийства чести»¹ на Ближнем и Среднем Востоке продолжают составлять наиболее ужасающие примеры происходящих ныне событий кровавой безысходности. И в наше время шесть тысяч девочек каждый день становятся жертвами женского обрезания, а «убийства чести» продолжают отнимать молодые жизни во имя непорочности.

Конечно, добрачная девственность, за соблюдением которой так ревностно следят, распространяется почти исключительно на невест. Большинству мужчин, кроме холостых ацтеков и неженатых мужчин, проживающих в провинции Энга в Папуа – Новой Гвинее, не обязательно быть девственными женихами. Такое неравенство коренится в двойном стандарте, в тех правилах, которые распространяются на сексуальные отношения мужчин и женщин. За долгие столетия этот двойной стандарт стал настолько широко распространен, что из-за него получила оправдание и широкое развитие проституция – во имя целибата. Блаженный Августин, всегда хорошо понимавший распутных мужчин, выразил это положение следующим образом: «Уберите проституток из дел человеческих, и миром овладеет похоть». Он, как и другие влиятельные светские и духовные моралисты, защищал проституцию как главное решение проблем похотливых мужчин, дававшее им возможность не развращать тех девиц, на которых они позже женились и которые рожали им детей. Классическим доказательством такого двойного стандарта стало приобретение в конце XIX в. воинствующим журналистом Уильямом Стэдом девственной девушки-подростка, которую он позже продал в публичный дом исключительно для того, чтобы показать, с какой легкостью это можно сделать.

Нередко целибат распространялся на мужчин и женщин, которые совсем этого не хотели: на заключенных; в XIX в. на школьных учителей в России и Канаде; на миллионы китайцев, согнанных в лагеря на принудительные работы в разгар репрессий маоистского режима в Китае; на нелюбимых арабских жен, обреченных на брак в многоженстве с мужьями, которые любят молодых фавориток и спят с ними; бесчисленных китайских холостяков,

¹ Убийство члена семьи родственниками за причиненное семье бесчестие сексуального или иного характера.

обреченных на целибат, поскольку национальная политика «один ребенок на семью» привела к массовому уничтожению еще не родившихся и только что появившихся на свет никому не нужных девочек, что повлекло за собой возникновение там нынешнего гендерного неравенства.

На протяжении долгой истории человечества целибат нередко налагался на отдельных мужчин гораздо более жестоким образом – через операцию: кастрацию или хирургическое удаление мужских гениталий. Такое творили с внуками, которых потом использовали в разных целях. Они часто служили в гаремах, где за раздраженными и разочарованными женщинами не могли присматривать сексуально полноценные мужчины. В Византии и Османской империи кастраты занимали высшие административные и военные посты, контролируя огромные суммы денег и судьбы целых народов. Основным условием для занятия столь высоких должностей была их неспособность к деторождению. В отличие от полноценных в сексуальном отношении мужчин, имевших собственные семьи, внукам можно было доверять, поскольку они никогда не стали бы плести интриги ради сыновей, которых им не суждено было иметь.

Когда в XVIII в. Европу охватила оперная мания, калечащий нож нашел себе другие жертвы – он превращал мальчиков в самые сладкозвучные сопрано, когда-либо украшавшие оперную сцену. Ценой, которую впоследствии платили эти безбородые, располневшие, обиженные на весь мир и злые *кастраты*, была пожизненная сексуальная неполноценность, но в безумной погоне за музыкальным совершенством это не имело никакого значения. В некоторых странах, в частности в Индии и Пакистане, мужчины и поныне добровольно ложатся под нож, чтобы стать развлекающими людей *хиджрами*, членами одной из каст неприкасаемых, которые традиционно дают обет целомудрия, говорят о себе, что они не мужчины и не женщины, и живут в общинах, членами которых являются только люди, соблюдающие целибат.

Женщины также становились жертвами жутких форм целибата. Наиболее вопиющей из них была беспросветная, голодная жизнь индийских вдов, включая девочек, выданных замуж еще малышками за супругов, с которыми они никогда не жили. Единственной альтернативой их ужасному существованию была смерть в огне, при-

чем часто их принуждали к ней сыновья и другие родственники-мужчины, которые толкали вдову в погребальный костер ее мужа.

Целибат встречается и в гораздо более мягких вариантах, в частности когда его практикуют люди, которым трудно выражать свою нетрадиционную сексуальную ориентацию. К их числу можно отнести таких гомосексуалистов, как Леонардо да Винчи; таких педофилов, как Льюис Кэрролл; таких людей со странностями, как Джон Раскин; и таких людей с разбитыми любовью сердцами, как сэр Исаак Ньютон. Целибат может служить целительным средством для жертв сексуального домогательства или насилия, давая им время и место решить проблемы, которые вызвали их неприязнь к сексуальным отношениям. В настоящее время в связи с распространением СПИДа некоторые дают обет безбрачия в качестве способа физического выживания, как это было, например, в Европе, где в XVI в. бушевала эпидемия сифилиса. Когда сексуальные отношения внезапно превращаются в символ смерти, целибат может стать своего рода ангелом-хранителем.

К вынужденному целибату приводит и физическое состояние, связанное с импотенцией. Широкое применение свинца в римских акведуках – насколько оно было прогрессивным с точки зрения технологии, настолько же пагубным для мужской сексуальной силы – даже великого Овидия (в числе других поэтов) побуждало в стихах подтрунивать над охватывавшим его отчаянием от того, что половой член у него «вялым был, как лист вчерашнего салата». Отсутствие аппетита, в основном свойственное женщинам, оказывает точно такое же воздействие – оно иссушает силы истощенных тел, лишая их сексуальной энергии и интереса к жизни. Однако в отличие от Овидия, Карен Карпентер и ее исхудавшие подруги оказались не сторонними наблюдательницами своей собственной ослабевавшей сексуальности. У них исчезали не только груди и ягодицы – вместе с ними пропадало и половое влечение.

Широкое распространение целибата в жизни людей нашло отражение и в литературе, причем не только в римском «импотентном жанре». Об этом писали и Мильтон, и Лев Толстой, и Вирджиния Вулф. Это же относится и к Джону Ирвингу, у которого мать Гарпа лишь однажды (хоть и с пользой для себя) пренебрегла правилами целибата. Даже вампиры с их кровавой любовью, как известно, целомудренны.

Спустя столетия проблемы, связанные с целибатом, не перестают поражать воображение. Среди наших теперь раньше взрослых, сексуально активных детей все более гордо и громко заявляют о себе сторонники «Силы девственности», участники движения «Истинная любовь ждет» и других молодежных движений за непорочность нравов. Работая над этим исследованием, я попросила прислать мне комплект материалов для желающих присоединиться к движению. В нем я нашла элегантно раскрашенную футболку, которую иногда надеваю, когда катаюсь на велосипеде, и задаю себе вопрос о том, обращают ли прохожие внимание на необычное послание, которым она украшена.

Следует заметить, что интерес к целибату не ограничивается лишь младшим поколением. И в зрелом, и в пожилом возрасте мужчины и женщины все чаще обращаются к целибату как к средству обретения личной независимости, духовности, связи с Господом, природой и друг с другом. Некоторые провозглашают себя возрожденными девственницами, хотя внутренне присущее такому выражению противоречие более чем очевидно. Тем самым они в наше время вновь привлекают внимание к важному положению христианских теологов, высказанному две тысячи лет назад, о признании такого статуса и возвращении ему утраченного достоинства. Другие ценят в целибате разносторонность, которую он придает их отношениям, включая брак. Как целомудренные мужья и жены в эпоху раннего христианства, как святой Франциск Ассизский и его возлюбленная подруга святая Клара, эти мужчины и женщины обретают мир и удовлетворение от общения, лишённого сексуальной составляющей и буйно расцветающего при отсутствии собственнического инстинкта и ревности.

В основе стремления к целибату лежит идеальный выбор без страха позора и право каждого человека определять ход собственной жизни и приумножать жизненный опыт. Новый целибат подразумевает как создание новых подходов, так и их новое понимание и суждение о них с тем, чтобы гомосексуалисты и лесбиянки получили признание большинства, мужчины и женщины могли жить вместе целомудренной жизнью, а совместная супружеская жизнь в браке больше не считалась единственной приемлемой ее формой.

Некоторое время, когда я занималась исследованиями при работе над этой книгой, посвященной истории целибата, я сама его

соблюдала, несмотря на то что на протяжении десятилетий открыто выступала в роли его противницы. Не без сарказма я даже говорила (а порой в это верила), что сама изобрела секс. Так случилось, что в течение нескольких лет после того, как я выкарабкалась из-под обломков рухнувшего брака и начала новую жизнь в новом городе, у меня не было сексуальных отношений. Однако вместо искупительного – хотя правильнее было бы сказать «торжественного» – чувства освобождения, которое получали многие другие женщины от добровольного соблюдения целибата, для меня это был сознательный выбор. С тех пор я больше не воспринимала себя просто как женщину, не вступающую в отношения с мужчинами. После переоценки своей жизни и ее приоритетов, включая потребность в глубоко эмоциональных связях, я избрала такой образ жизни, который соответствует лишь моим личным принципам, причем в той степени, в какой меня это устраивает.

На меня произвели сильное впечатление и оказали влияние некоторые из тех персонажей, чей опыт соблюдения целибата нашел отражение в этой книге. К их числу принадлежат храбрые женщины, отважившиеся на суровую и безотрадную жизнь ради служения Господу; гордые, целеустремленные и влиятельные весталки; не похожая на других индейская воительница Великая Женщина и мятежная Флоренс Найтингейл, хотя их образ жизни и проблемы были от меня далеки. Точнее говоря, меня глубоко волновали истории о женщинах и мужчинах, ведомых по жизни их собственными призваниями – искусством, литературой, наукой, избравших целибат и сознательно отказавшихся от отношений, требующих времени и энергии, которые им хотелось использовать для работы. Многое из того, что доставляло мне удовольствие, когда я раньше потакала своим сексуальным слабостям, утратило былое значение. На нынешнем этапе жизни я гораздо больше ценю независимость и покой, которые дарует мне целомудренное одиночество. Я счастлива от того, что не испытываю ни ревности, ни собственнического инстинкта, которые мучили меня, когда я страстно кого-то любила, и мне гораздо проще жить, когда никто из близких мне людей изо дня в день не твердит мне, что я должна делать.

Я очень высоко ценю приведенные в этой истории целибата неожиданные проявления доверия со стороны моих друзей и зна-

комых, которые никогда раньше не распространялись о подробностях своей личной жизни. Даже те из них, с кем я общалась только через Интернет и по телефону, сразу же откликнулись на мою просьбу о сотрудничестве, причем делали это открыто и с юмором, который украшал их рассказы о почти всегда добровольно принятом celibате. Установившиеся между нами отношения стали для меня нежданной наградой за попытку публичного исследования вопроса о целомудрии. Откровения этих людей, которыми они поделились со мной в ответ на мои собственные, стали частью заключительной главы этой книги об истории celibата.

ГЛАВА 1

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЦЕЛИБАТ ЯЗЫЧНИКОВ

ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Афина, Артемида и Гестия
Мифические девственницы

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ипполит против любви
Ультиматум Лисистраты

КЛАССИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ

Тесмофории
Благая богиня
Культ Исиды
Дельфийский оракул
Целомудренные жрицы
Весталки

ЯЗЫЧЕСКИЙ И ЕВРЕЙСКИЙ АСКЕТИЗМ

Влияние греческой философии
Подготовка эссе к Армагеддону

В

Древней Греции добрая непорочность была настолько важным требованием к невестам, что молодых женщин выдавали замуж сразу же по окончании переходного возраста, исключая любую возможность их грехопадения до замужества. Но в пантеоне древнегреческих божеств три выдающиеся, могущественные и честолюбивые богини всегда бдительно оберегали свою невинность. Гестия поглощала собой скромность и была покровительницей домашнего очага. Что же касается Афины и Артемиды, то они умело использовали целибат для того, чтобы вести независимый образ жизни, позволительный лишь мужчинам. Целибат стал для них могучим инструментом, который освобождал богинь от традиционных обязанностей. И действительно, это был для них единственный способ избежать тяжелой рутинной работы по дому и повиновения мужу, отцу или братьям, бывшее уделом всех женщин в Древней Греции. (В римском пантеоне аналогами Гестии, Афины и Артемиды были Веста, Минерва и Диана.)

ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ¹

Афина, Артемида и Гестия

Спустя тысячелетия после того, как олимпийские боги Древней Греции буйствовали и таились, любили и ненавидели, мстили и преследовали друг друга, а также смертных, которые им изменяли, боялись, уважали и почитали их, эти божества и по сей день продолжают волновать наше воображение. Они пронизывают нашу литературу, наполняя ее своими образами и метафорами. Они составляют точку отсчета в развитии философии, математики, медицины и религии. Для ранних христиан, которым досталось наследие греко-римского мира, пантеон богов и богинь составлял кощунственную ересь и основополагающее заблуждение, тем более опасное, что оно представляло собой интеллектуальную и культурную основу их новых убеждений, к которой они относились с презрением и стремились ее изменить.

В этом пантеоне было около дюжины основных фигур, пропорционально разделенных на богов и богинь. Ни один из богов не мог похвалиться целомудрием: Зевс (Юпитер) – их предводитель; Аполлон, олицетворявший солнце, – бог красоты, юности, покровитель поэзии, музыки, пророчеств и стрельбы из лука; Арес (Марс) – бог войны; Гермес (Меркурий) – лукавый вестник и жуликоватый покровитель торговли; Посейдон (Нептун) – бог морей; и Гефест (Вулкан) – бог огня, покровительствующий кузнечному ремеслу. Все они были распутниками, странствовавшими по земле и небу и насиловавшими женщин, которые рожали от них детей. Небесный целибат, как и его земной аналог, оставался уделом богинь.

¹ Литература, использованная при работе над разделом о греческой мифологии: Sue Blundell, *Women in Ancient Greece*; Michael Grant and John Hazel, *Who's Who in Classical Mythology*; R. Graves, *The Greek Myths*; A. W. Mair (перевод), *Callimachus and Lycophron*; Mary L. Lefcowitz and Maureen B. Fant, *Women in Greek Myth and Culture*; Sarah Pomeroy, *Goddesses, Whores, Wives and Slaves*; and William Smith (ред.), *Dictionary of Greek and Roman Biographies and Mythologies*. Имя каждого римского божества приводится в скобках после греческого. *Greece and Rome*; Deborah Lyons, *Gender and Immortality: Heroines in Ancient*

Три главные богини – Афина (Минерва), богиня войны, мудрости и ремесел, Артемида (Диана) – богиня охоты и покровительница животных, и Гестия (Веста) – богиня домашнего очага, – все были убежденными девственницами, и лишь у них было достаточно сил, чтобы противостоять Афродите (Венере) – богине любви и сексуального влечения. Четвертая богиня, жена Зевса и покровительница брака Гера (Юнона), была девственницей наполовину, целомудренной супругой, которая ежегодно восстанавливала девственность, купаясь в очищающих водах источника под названием Канаф¹.

Первой женой Зевса была Метида. Когда она забеременела, другие божества стали ему на нее наговаривать, предостерегать его, говоря, что, если Метида будет жить, она сможет произвести на свет такого могучего сына, который займет его место повелителя богов и людей. Зевс подпал под влияние злопыхателей, желавших посеять в нем сомнение, и решил устранить опасность, избавившись от Метиды. Так он и сделал – целиком ее проглотил и отправил в свою утробу. Вскоре у него так страшно заболела голова, что сочувствующий ему бог – Гефест, Прометей² или Гермес – взял топор и, чтобы облегчить боль предводителя небожителей, разрубил ему голову. Из лба Зевса явилась богиня Афина в полном боевом снаряжении.

Какая это была богиня! Ее красота была отчужденной и холодной, взгляд, казалось, пронзал насквозь, и доспехи были нешуточные: золотой шлем, мощное копье и крепкий щит. Ее роль как воительницы, неукоснительно соблюдавшей дисциплину, и искусного стратега постоянно побуждала Афины вмешиваться в войну между греками и троянцами. Она пешей или конной являлась на поле брани и с воинственным кличем вступала в рукопашный бой, сплывая греческих воинов и приводя в ужас троянцев. Афина была непобедимой воительницей, а ее храм – безупречное, возведенное из белого мрамора, холодное, как и она сама, здание – носит название Парфенон, что означает «Девственный», и поныне возвышается над Афинами.

Как и все греческие божества, Афина была далека от совершенства. Как-то раз во время состязания она поссорилась со своей

¹ *Blundell*, 33, отмечает: «Ежегодное возрождение Геры как потенциальной невесты вполне можно рассматривать как событие, воссоздающее и заново утверждающее супружеские отношения».

² Прометей в греческой мифологии был не богом, а титаном.

подругой Палладой. Когда Паллада замахнулась на Афину, собираясь ее ударить, богиня стремительно бросилась на обидчицу и убила ее, а потом горько раскаивалась в том, что поспешила с ней расправиться. Другим примером ее морального несовершенства стала такая жуткая ревность к великолепным тканям, сотканным Арахной, что Афина ударила ее в лоб самшитовым челноком, после чего Арахна решила повеситься. Афина воскресила ее, но в облике паука, который бесконечно ткет свою паутину.

У Афины был ряд талантов, которые трудно определить иначе, чем профессиональные навыки женщины эпохи Возрождения. Ее почитали за мудрость в политике и домашних делах. Она умела объезжать лошадей и прекрасно на них гарцевала. Ей было многое известно о корабельном деле и колесницах, ей же приписывали изобретение флейты. (Тем не менее она ее выбросила, когда поняла, что игра на флейте искажает красивые черты ее лица.) Кроме того, она была покровительницей искусств и ремесел.

Девственность Афины, столь естественную для ее существования, нарушить было нельзя. Богиня могла быть тщеславной, ревнивой, мелочной и мстительной, но никогда, ни на мгновение она и мысли не допускала о том, что в ее личной крепости может быть пробита брешь.

...нет мне матери, –
Мужское все любезно, – только брак мне чужд;
Я мужественна сердцем, дочь я отчая¹,

воскликает Афина, «Дитя, явившееся в доспехах из тела Зевса-Олимпийца, / никогда не вскармливавшееся во тьме утробы»². Ее брат Гефест попытался изнасиловать богиню, когда та была у него в кузнице и заказывала новое оружие. Она в гневе отвергла его, и у него случилось семяизвержение ей на бедро. Афина вытерла вызывавшую у нее отвращение сперму шерстью, которую закопала в землю неподалеку от Афин, тем самым оплодотворив мать-землю, и вскоре та родила сына Эрихтония. Внезапно сменив гнев на милость, воинственная богиня смягчилась и согласилась

¹ Эсхил, «Эвмениды»; пер. Вяч. Иванова.

² *Eumenides*, 736–749, 664–665, цит. по: *Blundell*, 28.

воспитывать ребенка сама¹. Неумолимая воительница, которая защитила бы свою девственность даже ценой собственной жизни, родившаяся без матери, при звуках детского лепета становилась образцом материнской заботы и нежности.

Кроме того, Афина с особой отчетливостью понимала, что вид ее обнаженного тела делает ее сексуально уязвимой. Ее восхитительное тело стало последним образом, который видел пророк Тиресий, поскольку после того, как он без всякой задней мысли случайно заметил, как она купалась в источнике, Афина его ослепила. (Позже она возместила ему потерю зрения, наградив даром пророчества или видений.)

Эти случаи, как и другие события, когда она отвергала предложения всех, кто стремился взять ее в жены, были связаны исключительно с тем, что невинности она придавала очень большое значение, но никак не свидетельствовали о том, что она плохо относилась к мужчинам. Наоборот, она предпочитала их женщинам и помогла нескольким героям. И с отцом своим, Зевсом, она поддерживала мирные и нежные отношения.

Жизнь Афины была полна приключений. В качестве воительницы она действовала бесстрашно, храбро и хитро, как советница – тонко, мудро и остроумно, а с соперниками, особенно с женщинами, вела себя честолюбиво, темпераментно и импульсивно. Она гнала прочь чувственность как солдат – через физическое насилие, но при виде ребенка таяла от нежности. Однако самым главным для нее было то, что она сама определяла ход своей жизни.

Артемиде – дочь Зевса и богини Лето, имела много общего со сводной сестрой Афиной, включая девственность, которой очень дорожила с тех пор, как была еще совсем малышкой. Когда она сидела на колене отца Зевса, который укачивал ее, на него вдруг накатило чувство глубокой привязанности к дочери, и под влиянием момента он спросил ее, какие бы та хотела получить от него подарки.

«Позволь мне, отец, вечно хранить мою непорочность», – сразу же ответила Артемиде.

¹ Graves, 96–97. И Афина, и Гефест стали жертвами розыгрыша: ему сказали, что Зевс послал ее в кузницу, полагая, что он займется с ней страстной любовью; Афина же, со своей стороны, не придавала значения намекам брата на то, что он выкует ей оружие, запросив за него цену любви.

И дай мне лук со стрелами... а также и... тунику с вышивкой по краям длиной до колен, чтоб я могла охотиться на диких зверей. И дай мне шестьдесят океанид в мой хор – чтоб было им по девять лет и все чтоб были непорочны, но распоясаны; и дай ты мне в прислуги двадцать амнисийских нимф, чтоб за эндромисами¹ у меня следили, а когда я не охочусь на рысей и оленей, пусть холят и лелеют моих прекрасных гончих. И дай мне горы все... поскольку редко Артемида нисходит в города².

И потом она как бы иронически пожелала вдогонку, чтобы к ней постоянно обращались женщины при родах, потому что тот факт, что мать родила ее без боли, использовали парки, чтобы сделать ее покровительницей родов.

Четкий и готовый перечень желаний Артемиды не был простой причудой девочки, которой в то время было года три. С самого начала она была такой же независимой и самостоятельной, как Афина. Жизнь, которую она для себя избрала, должна была проходить при неременном сохранении девственности. Первое условие, которое она поставила, состояло в том, чтобы все без исключения ее спутницы и подруги были непорочны. В отличие от Афины, Артемида была бдительной и подозрительной девицей и требовала от своих сторонниц неукоснительного соблюдения целибата. Она также побуждала их к этому – амазонки, например, которые преклонялись перед ней и стремились во всем на нее походить, были прекрасными лучницами и считали ниже своего достоинства находиться в компании мужчин.

Артемида не знала жалости к мужчинам, неспособным соблюдать ее строгие правила. Лучшим примером тому служит уничтожение ею Ориона за попытку изнасилования³. (Ее отношение к трагической фигуре Ипполита, сына амазонки Ипполиты, было увековечено в трагедии Еврипида «Ипполит», о которой речь

¹ Эндромисы – сапоги без носка, в которых Артемида часто изображалась на глиняных амфорах.

² *Mair*, 61.

³ *Lyons*, 91. Другая, менее распространенная, версия состоит в том, что Орион хвастался ей, превознося свое мастерство. Возможно, он пытался изнасиловать саму Артемиду.

пойдет ниже.) Когда великан Титий попытался изнасиловать ее мать, она и ее брат Аполлон решили его убить.

Артемиде не испытывала сострадания и к женщинам. Когда живот ее любимой служанки Каллисто, соблазненной Зевсом, стал округляться, свидетельствуя о ее беременности, жестокая Артемиде превратила ее в медведицу и натравила на нее свору ее же охотничьих собак. Лишь вмешательство Зевса, вознесшего Каллисто на небеса, расстроило планы Артемиды предать служанку кровавой смерти.

Отношения Артемиды с женщинами складывались преимущественно на основе их жизненных циклов – месячных, потере девственности, рождении детей и смерти. Все эти события сопровождаются болью и кровотечениями – это та цена, которую Артемиде заставляет женщин платить, если те покидают ее мир непорочности¹. А как покровительница родов она взимала еще более высокую плату – сильнейшие боли рожениц.

С Артемидой был связан обряд инициации афинских девочек в возрасте от пяти до десяти лет, которые проходили его в посвященном ей святилище в Вавроне. В течение года эти так называемые медведицы носили желтые платья, обучались «медвежьим» танцам, бегали наперегонки и искупали вину за смерть убитого юношами медведя, посвященного Артемиде. На протяжении года, посвященного этим обрядам и искупительным жертвам, «медведицы», видимо, выплачивали своего рода дань, которую Артемиде взимала с них перед тем, как позволить им производить потомство, что оправдывало сохранение ими девственности, которой они, видимо, вскоре должны были лишиться.

Другим важным занятием Артемиды были странствия по лесам и горам вместе с дикими зверями, когда она избегала встреч с людьми. Однако если ей случалось встречаться с охотниками, она становилась на их сторону против животных. Красота, уклончивость и окружавшая богиню тайна так влекли к ней речного бога Алфея, что он влюбился в нее без памяти и следовал по ее стопам по всей Греции. В конце концов Артемиде убедилась, что надежды, которым не суждено было сбыться, таким образом: она и все ее нимфы вымазали себе лица белой грязью, Алфей не смог ее узнать и ушел несолоно хлебавши, осмеянный нимфами.

¹ В Галах в Аттике на празднествах в честь Артемиды требовалось сделать надрез мечом на горле мужчины, чтобы вытекло несколько капель крови. *Blundell, 29.*

Гораздо более страшная судьба постигла юношу по имени Актеон, стоявшего у скалы, когда он заметил Артемиду, купавшуюся в протекавшем неподалеку ручье. Если бы тот успел убежать, пока она его не заметила, то, возможно, сохранил бы себе жизнь. Но богиня страшно разгневалась, поскольку он мог похвалиться, что видел ее обнаженной, и превратила юношу в оленя. В тот же миг его собственные охотничьи собаки разорвали Актеона на куски и сожрали.

В отличие от общительной Афины, Артемиды предпочитала более уединенный образ жизни, хотя ее всегда сопровождала группа нимф. Со многими другими молодыми женщинами, как и с мужчинами, она враждовала, и потому ее мачеха Гера порой над ней насмеялась: «Тебя лишь над смертными женами львицей / Зевс поставил, над ними свирепствовать дал тебе волю»¹. Она заставила Агамемнона принести в жертву его первородную дочь Ифигению в обмен на попутный ветер во время его морской экспедиции против Трои. Вместе с братом-близнецом Аполлоном она убила всех двенадцать детей смертной Ниобеи, хваставшейся тем, что у нее больше детей, чем у матери Артемиды – богини Лето.

Навязчивое целомудрие Артемиды, занятие мужским делом – охотой, необузданная гордыня и жестокость мести ставят ее в один ряд с независимой и волевой Афиной. К ней относились как к неумолимой богине, с детства в грош не ставившей женские занятия и слабости. Ее девственность была так же опасна, как и ее гнев, и превращение маленькой дочурки Зевса в парящее на недосыгаемой высоте божество лишило ее большинства женских качеств.

Единственной непорочной богиней, ставшей в Греции образцом женских достоинств, была сестра Зевса Гестия. Как добропорядочные гречанки, Гестия проводила время дома, поддерживая огонь, горевший на горе Олимп. Жизнь ее была размеренной и будничной – в ней не было войн, борьбы или приключений, но ее постоянно почитали в Греции² как божество, отвечающее за самую душу греческой жизни – семейный очаг.

Единственным отклонением Гестии от унылой предсказуемости жизненного пути было то, что она отвергла таких поклонников, как Посейдон и Аполлон. Гомер с любовью описывает ее историю:

¹ Гомер, *Илиада*; пер. Н. Гнедича. В английском издании: *Blundell*, 29, цит. по «Илиаде».

² А позже – уже как Весту – во всей Римской империи.

...Не пожелала она, но сурово обоих отвергла.
Клятвой она поклялася великой – и клятву сдержала,
До головы прикоснувшись эгидодержавного Зевса,
Что навсегда она в девах пребудет, честная богиня.
Дал ей отличие прекрасное Зевс в возмещение безбрачья:
Жертвенный тук принимая, средь дома она восседает;
С благоговеньем богине во всех поклоняются храмах,
Смертными чтится она, как первейшая между богами¹.

Как это ни парадоксально, но Гестия стала богиней семейной жизни и ценностей, отрекшись от того процесса, который ведет к созданию семьи.

Однажды домохозяйке Гестии пришлось дать отпор Приапу, который напился пьяным на празднике и попытался ее изнасиловать, когда она спала. Гестию спас осел, чей крик разбудил ее именно тогда, когда Приап уже склонился над распростертым телом богини. Испугавшись, она закричала, напугав неудачливого насильника, и в создавшейся комичной ситуации освободилась от его домогательств.

Афина, Артемида и Гестия составляли чрезвычайно могущественное трио, и их девственность давала им свободу, невысказанную для тех, кто утрачивал непорочность. Афина и Артемида дерзали вторгаться в пределы мужских прерогатив, таких как война и охота, и благодаря большой физической силе, подкрепленной оружием, опытом, решимостью и храбростью, господствовали в своих мирах. Афина наблюдала за городами, Артемида курировала сельскую жизнь, а Гестия контролировала жизнь домашнюю.

Черты сходства и различия богинь и реальных женщин Греции очевидны. Девственность была очень важна для невесты, но не для жениха, однако пожизненное соблюдение целибата редко рассматривалось с одобрением. Самая большая загадка – холостяцкий образ жизни Гестии, и греки, возможно, понимали это не как вызов традиционной роли женщины, а как необходимость сохранения стабильности их мира и мира богов. Замужние женщины всегда переходили к домашнему очагу супруга, поэтому единственной возможностью для Гестии остаться дома на горе Олимп был отказ от брака.

¹ Гомер, Гимн к Афродите; пер. В. В. Вересаева. В английском издании: *Pomeroу*, 6, цит. Гомер, «Гимн 5: к Афродите».

Афина и Артемида расплачивались сексуальностью, доставлявшей такое наслаждение их мужскому окружению, за неоценимые преимущества образа жизни, позволительного лишь мужчинам. Им приходилось отказываться от брака и материнства, составлявших удел смертных женщин, а также они сознательно противились изнасилованию – обычной судьбе, уготованной женщинам, которые нравились богам мужского пола.

Свобода богинь от сексуальных страстей и, прежде всего, от мужчин, возбуждавших эти страсти, вызывала к ним доверие обычных женщин, поклонявшихся этим созданиям и почитавшим их. Целибат не сулил смертным женщинам никаких наград, кроме тяжкого труда и презрительных слов братьев и отцов, которые должны были их кормить. А если все-таки у них оставались еще какие-то иллюзии о подражании Афине или Артемиде, их вразумил бы совет Сократа по вопросу о том, как обращаться с незамужними женщинами: заставлять их работать как рабынь – так говорил мудрец. Безвыходность их собственного положения, должно быть, еще более ярко рисовала в их воображении восхитительную независимость вольной жизни богинь. Но для простых женщин Греции притча о том, что девственность и независимость – равноценные понятия, была справедлива лишь тогда, когда речь шла о божествах.

Мифологические девственницы

В греческой мифологии девственницам также уделялось большое место. Иногда они ассоциировались с божествами, иногда лишь со смертными. К их числу относились девственницы, занимавшиеся охотой, девственницы, сохранившие невинность благодаря превращениям, изнасилованные женщины, пророчицы и жрицы, жертвенные девственницы и даже трое совсем неожиданных представителей этой категории – девственные мужчины. Большая часть преданий о них связана с испытаниями, которые им пришлось преодолеть ради сохранения невинности в борьбе против изощренных интриг похотливых богов, которые только о том и думали, как бы совратить девственниц и уложить в постель тех из них, которые этому противились.

Одно из самых удивительных преданий посвящено героине древнегреческой мифологии Аталанте. Отец бросил ее на про-

извол судьбы сразу же после рождения, но ее спасла и выкормила медведица, а позже воспитали охотники. Неудивительно поэтому, что со временем Аталанта оказалась их всеобщей любимицей. Она стала замечательным охотником, прекрасным стрелком и спортсменкой, которая почти всегда побеждала в состязаниях соперников-мужчин, даже в рукопашной борьбе. Прекрасная и непорочная героиня стремилась сохранить девственность с такой же решимостью, как Артемида, а однажды даже убила стрелами из лука двух кентавров, покушавшихся на ее честь.

Слава Аталанты распространялась, пока не достигла ее отца, решившего воспользоваться своим отцовским правом и приказавшего ей выйти замуж, несмотря на то, что он избавился от нее во младенчестве. Аталанта оказалась в безвыходном положении – ей пришлось согласиться, но при этом она выдвинула условие о том, чтобы ее кавалеры соревновались с ней в беге. Она пообещала выйти замуж за первого мужчину, который ее победит, а всех проигравших – убьет. Девушка была настолько очаровательна, что многие молодые люди решили рискнуть, но в состязании с ней в беге потеряли жизни, хотя они бежали голыми, а ей мешали одежды, а порой и оружие.

Один лукавый юноша втайне договорился с Афродитой о том, что та поможет ему победить Аталанту хитростью, потому что обогнать ее он не мог. Когда они начали состязание, он бросал по дороге дар Афродиты – три золотых яблока, и Аталанте пришлось замедлять бег, чтобы поднимать их с земли, а юноше это дало необходимое время, чтобы одержать победу. После этого с непорочностью Аталанты должно было быть покончено – ей надлежало незамедлительно выйти замуж и лишиться девственности. Но молодой был настолько влюблен в новобрачную, что стал заниматься с Аталантой любовью в храме, тем самым нанося оскорбление Афродите. Афродита разгневалась и превратила молодую пару во львов.

Кардея – другая девственница, как и Артемида занимавшаяся охотой, обожала дразнить мужчин, обещая встретиться с ними в пещере, а потом сбегала от них. Но эта проделка не прошла у нее с Янусом – двуликим богом, который поймал ее, не дав ей ускользнуть, и лишил невинности. Дафна тоже была хорошим охотником, ей удалось сохранить непорочность, но слишком высокой ценой. Перевязав на голове густые волосы лентой, чтобы

не мешали, Дафна любила охотиться в лесной чаще. Когда отец сказал ей, что пора выходить замуж и рожать ему внуков, она взмолилась: «Позволь мне, дорогой отец, навсегда остаться девой!»

Но ее полюбил царский сын, который переоделся женщиной, чтобы втереться в доверие и быть рядом с нею. Однако Аполлон, тоже равнодушный к Дафне, стал ее ревновать и внушил охотнице мысль о том, что неплохо было бы искупаться. Когда молодой человек отказался снять одежду, его раздели девушки из свиты Дафны. Увидев половой член юноши, Дафна его убила.

В другом мифе о Дафне в борьбе за ее благосклонность соперничали Аполлон и Эрос. В отместку за обидное замечание Эрос поразил Аполлона и Дафну стрелами, причем стрела, поразившая Дафну, сделала ее невосприимчивой к любви, а та, что ранила Аполлона, заставила его сгорать от желания при мысли о Дафне. «Ты только подумай о том, кто тебя полюбил, – пытался убедить ее Аполлон. – Я ведь не какой-то крестьянин с гор; я не пастух неотесанный, который следит за своим стадом». Дафну его уговоры не трогали, она сбежала от его упорных домогательств, одежды соблазнительно облегали ее стройный стан, густые волосы развевались на ветру. Аполлон бросился за ней вдогонку, дыша ей в спину. «Помоги мне, отец, – кричала она речному богу. – Измени мой облик, лиши меня красоты, которая, мне на горе, оказалась такой привлекательной!»¹. Желание ее тут же исполнилось. Руки и ноги у нее затвердели, груди покрыла кора, волосы превратились в листья, а красивое лицо стало верхушкой лаврового дерева. Хоть ее человеческий облик был утрачен, девственность она сохранила навсегда.

Бегству Немезиды от ее поклонника Зевса сопутствовали многочисленные метаморфозы – она нырнула в воду и превратилась в рыбу, а он последовал за ней в образе бобра; она вышла на берег, обернувшись зверем, и он тоже оказался зверем, но более быстроногим; она взмыла в небо дикой гусиной, а он овладел ею, превратившись в лебедя. Она лишилась девственности, а из яйца, которое она снесла, вылупилась Елена Троянская.

Греческие боги были изрядными распутниками и во многих изнасилованиях нередко выступали под иной личиной. Зевс превратился в быка, чтобы уплыть с Европой в море, потом стал орлом, чтобы лишить ее девственности. То же самое сделал Аполлон,

¹ *Smith, 166–168.*

чтобы совратить Дриопу, сначала обернувшись черепахой, которую она ласкала и гладила, а потом изнасиловавшей ее змеей. Посейдон оказался еще более изобретательным. Он принял обличье речного бога, в которого была влюблена его жертва Алкидика, и изнасиловал ее в океане.

В одном язвительном мифе кумская сивилла Дейфоба попросила у Аполлона подарить ей столько лет жизни в обмен на то, чтобы с ним переспать, сколько пылинок помещалось у нее в горсти. Но она забыла попросить его, чтобы он даровал ей вечную молодость, и отказалась выполнить обещание, данное Аполлону. В отместку он выполнил свое обещание в прямом смысле слова. Когда ей исполнилось триста лет, она стала такой старой и ссохшейся, что помещалась в бутылки, свисавшей с потолка ее пещеры. «Я хочу умереть», – теперь стало ее новым несбыточным желанием¹.

Одним из трех мифических девственников-мужчин был Нарцисс, такой красивый, что к нему испытывали вождделение как мужчины, так и женщины. Он всех их отвергал до тех пор, пока одна озлобленная нимфа не обратилась к Немезиде или Артемиде, заставившей Нарцисса взглянуть на собственное отражение в воде. Глядя на него, он все сильнее влюблялся в самого себя, пока эта страсть не овладела его телом. Так он и умер, превратившись в цветок нарцисс.

Содержание этих мифов удивительно напоминает сюжеты мильных опер, всесторонне обыгрывающих и бесконечно повторяющих одну и ту же тему – сексуальное влечение бога к непорочной деве, сложное положение, в которое попадает девственница, отвергая его домогательства, и развязку, почти всегда сводящуюся к поражению целомудренной девушки. Оптимистичными эти истории не назовешь, скорее то были поразительные, смущающие рассказы об отношениях богов и смертных в самой животрепещущей сфере – сфере плотского сладострастия. Сами боги меньше всего ценили непорочность и преследовали девственниц, которых стремились совратить. Невинные девушки храбро им противостояли, но обычно успех был не на их стороне, поэтому в большинстве мифологических сюжетов на эту тему мы видим падших женщин, чью девственность отняли боги, применявшие изобретательные методы обольщения и более грозное оружие.

¹ *Grant and Hazel, "Sibylla or Sibyl".*

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ипполит против любви¹

М

иф о стойком девственнике Ипполите, увековеченный в трагедии Еврипида, посвящен представлению греков о любви. Они рассматривали ее не так, как позже воспринимали ее христиане – как низменное следствие похоти, которую каждый должен стремиться в себе подавить, а скорее как следствие прихоти или желания Афродиты. Лишь три богини не были этому подвержены – девственные Афина, Артемида и Гестия. Трагедия Ипполита состояла в том, что он противился Афродите, поскольку, как замечал Платон: «Никто не должен противиться любви, а идти против богов – значит, идти против любви»².

Ипполит был молодым охотником, преданным Артемиде, хотя, как сам он говорит нам словами Еврипида: «Я чту ее, но издала, как чистый»³. Афродита жаловалась:

Из всех один меня в Трезене этом
Тесеев сын, надменный Ипполит,
Могучею рожденный Амазонкой
И благостным Питфеем воспоен,
Последнею расславил в сонмах дивных.
Он радостей и уз любви бежит,
А меж богов сестры милее Феба
И Зевсовой нет дочери ему...
И с чистою среди зеленой чащи
Не знает он разлуки. Своры он
По зверю там гоняет с нею рядом,
Сообществом божественным почтен...³

¹ Цитаты из трагедии Еврипида «Ипполит» приведены в переводе Gilbert Murray. Другими источниками этого раздела являются: Plato (перевод R. Waterfield), *Symposium*; and F. I. Zeitlen, *Playing the Other*.

² Plato, 20–30.

³ Здесь и далее: Еврипид, «Ипполит»; пер. И. Анненского.

⁴ Euripides, 4–5.

Непорочность Ипполита воспринималась как ненормальное состояние для мужчин, поскольку девственность считалась женским качеством, но его погибшей матерью была Антиопа – царица амазонок, женщин-воительниц, отрезавших себе одну грудь, чтобы проще было натягивать лук, и отрекавшихся от мужского общества при вступлении в вооруженные отряды, состоявшие исключительно из женщин. Ипполит разделял взгляды амазонок на целомудрие, их отвращение к женской похоти и гневался:

О Зевс! Зачем ты создавал жену?
И это зло с его фальшивым блеском
Лучам небес позволил обливаться?
...Так будьте же вы прокляты! Ни в веки
Я не скажу, что ненавижу женщин
Сильнее невозможно, и меня
Пускай зовут хоть взбалмошным, покуда
Все те ж оне. О смертные, иль жен
Исправьте нам, иль языку дозволяете
Их укорять, а сердцу проклинать¹.

История Ипполита одновременно проста и запутанна. Афродита решила наказать его за тайную приверженность целибату и высокомерный отказ от любви. С присущей олимпийцам порочностью в качестве инструмента возмездия она решила использовать его мачеху Федру, заставив ее потерять голову от любви к сыну своего мужа. Бедная Федра была достойной женщиной, и страсть, наполнившая ей сердце, овладела всем ее существом, так что она не могла ни есть, ни говорить о том, почему тает на глазах.

[Вот] притча о царице и ее печали:
Ложу скорби судьбой отдана,
Больше солнца не видит она,
И ланиты с косой золотою
За кисейною прячет фатою.
Третий день уж наступает,
Но губам еще царица
Не дала и раствориться,
От Деметры дивной брашна,

¹ Euripides, 34–35.

Все неведомой томится
Мукой, бедная, и страшный
Все Аид ей, верно, снится¹.

В конце концов старая кормилица Федры, ужаснувшись при мысли о том, что ее госпожа умрет, выпытала ее греховный секрет. После этого кормилица попыталась вступить за нее перед Ипполитом, но последствия этого шага оказались ужасными. Вместо того чтобы смягчиться, он обрушился на Федру с яростными нападками, так сильно ее унижая, что та покончила жизнь самоубийством. Однако перед смертью она оставила своему мужу Тесею послание, в котором обвиняла Ипполита в том, что он над нею надругался.

У опечаленного вдовца не было причин не верить последним словам жены, и он с яростью набросился на сына, который, как он считал, предал его. Ипполит снова и снова это отрицал: «Взгляни вокруг на землю, где ступает / Твоя нога, на солнце, что ее / Живит, и не найдешь души единой / Безгрешнее моей... Я брака не познал и телом чист»². Но Тесей продолжал заблуждаться и проклял Ипполита, кони которого, испуганные вышедшим из моря быком, понесли, и он разбился насмерть. Отказавшись от хомута брака, Ипполит был убит хомутом собственных коней – так жестоко подшутила над ним Афродита. Перед смертью Ипполита появилась Артемида и сказала Тесею правду о его жене: «Ее Эрот / Ужалил сердце тайно, и любовью / К царевичу царица запылала: / Богиня так хотела, что для нас, / В невинности отраду находящих, / Особенно бывает ненавистна»³.

Предсмертные слова Ипполита обращены к богам: «Увы! Увы! / Их наши-то проклятья не достигнут...»⁴. Артемида утешала его, обещая возмездие, а еще она даровала своему приверженцу культ, при котором непорочные девушки, поклоняясь ему, срезают локоны волос. Ипполит умер, одержав победу над Афродитой, – он сохранил целомудрие и заручился поддержкой Артемиды в отмщении за его безвременную кончину.

¹ *Euripides*, 9.

² Там же, 52.

³ Там же, 67.

⁴ Там же, 72.

Какие уроки могли извлечь многочисленные восторженные поклонники Еврипида из его трагедии «Ипполит»? Им не нужно было разьяснять сюжеты с Афродитой и любовью, у них не было причин разделять твердое стремление Ипполита к сохранению целомудрия, столь необычного и странного для мужчины. Они могли понять его побудительные мотивы – почтение к могучей Артемиде, но им было ясно и то, что он равным образом навлек на себя гнев Афродиты, причем они наверняка оценили черный юмор, с которым богиня ему отомстила. Любовь и похоть оказались соединены неисповедимыми путями Господними. Правда, греки не проводили четких различий между двумя этими понятиями, называя их одним словом – любовь, повиновавшаяся причудам Афродиты.

Лишь старая кормилица истолковывала любовь в чисто чувственном плане: «Не надо, чтоб люди так сильно друг друга / Любили. Пусть узы свободнее будут, / Чтоб можно их было стянуть и ослабить, / А так вот, как я эту Федру люблю, / Любить – это тяжкое бремя. На сердце / Одно, да заботы, да страхи двойные»¹. Что же до всех остальных, то любовь – это зуд в чреслах, непорочность – девичий удел, а целомудренный молодой охотник обречен на неизбежное и беспощадное возмездие за то, что осмелился бросить вызов могущественной богине².

Ультиматум Лисистраты³

В комедии Аристофана «Лисистрата» целибат рассматривается совсем в другом ракурсе – обычные смертные женщины были возмущены тем, что Пелопоннесская война между Афинами и Спартой продолжалась уже больше двадцати лет. В популярной пьесе

¹ Euripides, 14.

² Кроме обаяния у Афродиты был еще волшебный пояс. Любой, кто его надевал, автоматически становился объектом любви. Даже Зевс, самый могущественный из всех богов, не мог противиться чарам Афродиты. Гера одолжила волшебный пояс, чтобы привлечь его внимание и тем самым отвлечь от Троянской войны.

³ Цитаты из комедии Аристофана «Лисистрата» приведены по: *Three Plays by Aristophanes* (перевод Jeffrey Henderson). Другими источниками этого раздела являются: R. L. Fowler, "How the *Lysistrata* Works"; and Aline Rousselle (перевод Felicia Pheasant), *Porneia*.

повествовалось о бурной повседневной стороне жизни греческого народа, когда гречанки, созданные жительницей Афин Лисистратой, в противовес традиции захватили контроль над военно-политическим положением, организовав сексуальную забастовку, которая ущемила интересы их супругов.

«Так вместе мы поможем эллинам, – сказала Лисистрата делегации женщин из Афин, Спарты и других враждовавших городов-государств, в качестве оружия предложив – шафрановые платочки, полутуфельки, духи, румяна и кисейные платица»¹.

Когда сидеть мы будем надушенные,
В коротеньких рубашечках в прошивочку,
С открытой шейкой, грудкой, с щелкой выбритой,
Мужчинам распаленным ласк захочется,
А мы им не дадимся, мы воздержимся.
Тут, знаю я, тотчас они помирятся.

Но женщины пришли в ужас. «Я не согласна! Дальше пусть идет война! – сказала Клеоника. – В костер я рада прыгнуть. Но не это лишь! Всего страшнее это, о Лисистрата!»²

«О род наш женский, подлый, распрюбленный! – жалуется Лисистрата³. – Так правду говорят о нас трагедии: / Лишь Посейдон нам нужен и челнок его»⁴.

После этого спартанка Лампито так сказала ей на ломаном греческом языке: «Трудно, трудно, друг, / Без мужа ночью на постели женщине, / Но будь что будет! Мир нам тоже надобен».

В итоге был принят план Лисистраты занять Акрополь и там ждать. В этом женщины дали коллективную клятву:

Вот я клянусь, ни мужа, ни любовника
Не утолять желаний.

¹ Здесь и далее: *Аристофан*. Лисистрата; пер. А. Пиотровского.

² В английском переводе вместо слов «Всего страшнее это, о Лисистрата» идут слова: «скорее это, чем отказаться от мужского члена».

³ В русском переводе эти слова говорит Миррина.

⁴ В английском переводе вместо слов «Так правду говорят о нас трагедии: / Лишь Посейдон нам нужен и челнок его» сказано: «Нет ничего удивительного в том, что мужчины пишат о нас трагедии».

При муже буду жить невинной девушкой,
В шафрановой рубашечке, нарядная,
Чтоб в муже распалить хотенье страстное,
Но добровольно мужу не отдамся я.

Но ожидание было слишком долгим, женщины становились все более раздраженными. В конце концов Лисистрата сказала: «Взбесились по мужчинам наши женщины!» Ее сподвижницы в нерешительности хотели украдкой вернуться домой. Лисистрата одержала над ними верх и заперла женщин изнутри, убедив их быть солидарными с ее планом использования своих тел как оружия, с помощью которого они смогли бы навязать свое решение в военно-политической области, где женщины, в принципе, вообще ничего не решали. Поэтому соблюдение целибата стало для них столь же важным, сколько трудным.

Мужчинам тоже было очень нелегко. «О горе, горе! Что за схватки страшные! / Какие рези! Как на дыбе рвут меня!» – стонал один муж, которому жена отказала в доступе к телу.

Несчастный я! Женой замучен до смерти!
Дразнила, изнурила и оставила.
Ах, куда мне спешить и кого мне любить?
Та, что мне всех милей, обманула меня.
Как ребеночка мне без жены прокормить?
...Кормилицу найди мне!¹

Военный представитель Спарты во многом был на него похож. Когда он прибыл, всем была видна его эрекция. Его спросили, что там у него такое, и он ответил: «Трость лакедемонская!» Но в итоге он сказал правду, признавшись афинянину в том, что спартанцы «как со свечами бродят, спотыкаются».

Стратегия Лисистраты вскоре завершилась успехом. Мужчины настолько отчаянно нуждались в сексуальных отношениях, что через шесть дней воздержания начали переговоры о заключении

¹ В английском переводе этот текст звучит так: «Что мне делать *теперь?* С кем мне переспать? / Меня провела самая соблазнительная девица из тех, кого я знал! / Как мне поднять и поставить этот осиротевший член? / ...Мне нужно взять ему напрокат няньку».

почетного мира. По выражению афинского посла, все они пришли к одному и тому же неоспоримому мнению: «а именно, надо жить половой жизнью». Пелопоннесская война в комедии наконец завершается¹. По мнению Аристофана и его восторженной аудитории, в греческих браках целибат был невообразим.

И они были правы. Девственность осталась исключительным уделом девушек, а мужчины и боги значительную часть своей энергии уделяли соращению, несмотря на то что насильникам грозило жестокое наказание вплоть до смертной казни. За исключением некоторых философов и их последователей, сама идея целибата в браке представлялась смехотворной, как прекрасно было известно автору комедий Аристофану. И действительно, некоторые, как правило состоятельные и женатые, мужчины спали не только со своими женами, но также с проститутками, рабынями и мальчиками. Ради развития сюжетной линии, а также поскольку простые греки – работники, мастеровые, рыбаки, составлявшие основную часть его аудитории, – редко хотели или могли себе позволить подобные развлечения, Аристофан эти возможности проигнорировал².

Особенно забавным такой сюжетный поворот с целибатом выглядел потому, что его инициатором выступили женщины. В Древней Греции считалось, что женщины более похотливы, что они не в состоянии сдерживать сексуальное влечение, если их жестко не ограничивать, постоянно за ними не следить, не заставлять жить на женской половине дома и не выдавать замуж сразу же по достижении половой зрелости. С другой стороны, мужчины полагали, что собственную похоть, как и все остальные желания, они могут подавлять с помощью своей хваленой самодисциплины. Зевс и Гера однажды завели об этом спор и решили обратиться с вопросом к прорицателю Тересию, в прошлом обладавшему качествами как мужчины, так и женщины. Представительницы прекрасного пола, ответил Тересий, испытывают девять десятых удовольствия от полового акта, оставляя партнеру-мужчине лишь одну десятую его часть³. Изменение гендерных ролей, к которому прибегает Аристофан, было точно рассчитанным планом, призванным снискать широкое признание его

¹ На самом деле она продолжалась еще семь лет, до 404 г. до н. э.

² Fowler, 245–249.

³ Dover, 159.

аудитории. Что это такое – похотливые женщины решили прибегнуть к целибату? Надо же, как у Аристофана разыгралось воображение!

С начала и до конца комедии диалоги усиливают впечатление о жертве, на какую пошли женщины. Их разговоры изобилуют непристойностями, они постоянно говорят о сексе и своих телах. Афинские женщины бесстыдно язвительны, когда судачат о подругах своих врагов. «А что за груди! Твердые и круглые!» – говорят они о мускулистой спартанке; а о крупной представительнице Беотии их мнение таково: «В час добрый, беотиянка! / Прекрасны нивы ваши!»¹. «И пощипаны / Порядочно. Гречиша гладко выбрита»², – добавил кто-то. А коринфянка представлена как женщина, наделенная содержанием: «Да уж конечно, добрая. / Сейчас же видно по тому и этому»³.

В тексте также много каламбуров о сексуальных позициях, любовниках и о том, что сегодня мы называем сексуальными игрушками. Предпочтительной позицией было проникновение сзади – в анальное отверстие или во влагалище, поэтому в клятву соблюдать целибат, данную женщинами, были включены такие слова: «Не встану, словно львица над воротами...»⁴. В греческих домах многие предметы домашнего обихода имели рукоятки в форме припавших к земле животных, постоянно напоминавших женскую сексуальную позицию. А одна женщина печалилась о том, что вот уже некоторое время «И пальчика из кожи я не видела, / В печальной доле вдовой утешителя»⁵. Мы все знаем, тем самым говорил Аристофан, что гречанки невероятно похотливы, и потому его притча о целибате еще в большей степени противоречила здравому смыслу.

¹ В английском переводе этот текст звучит так: «Она, конечно, такая же, как Беотия, клянусь Зевсом, со своей пышной отключенной поймой».

² В английском переводе этот текст звучит так: «Да, действительно, ее куст [игра слов – bush имеет несколько значений, в частности “куст” и “густые волосы”] элегантно подстрижен».

³ В русском переводе вместо выражения «содержательная женщина» (woman of substance) сказано: «добрая девчоночка». В английском переводе вместо «Сейчас же видно по тому и этому» сказано: «Вполне содержательная, как спереди, так и сзади».

⁴ В английском переводе этот текст звучит так: «Я не встану в низкую стойку как львица перед теркой для сыра».

⁵ В английском переводе этот текст звучит так: «Я не видела даже дилдо длиной в шесть дюймов, который мог бы служить утешением, хоть он и мал». *Lysistrata*, строки 114–115. *Rousselle*, 65, отмечает, что иногда неудовлетворенные греческие матроны прибегали к помощи кожаных пенисов.

КЛАССИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ

Тесмофории¹

Греческие матроны лишь издали могли наблюдать за целибатом своих богинь и мифологических героинь. И тем не менее раз в год они соблюдали целибат, в течение всего лишь трех дней, во время ежегодного религиозного праздника *Тесмофории*², который играл большую роль в городах-государствах, – именно он освобождал этих достойных матерей семейств от сексуальных отношений с мужьями. *Тесмофории* проводились каждую осень в Афинах и некоторых других полисах накануне посевной в честь Деметры – богини плодородия и земледелия. Проведением праздника руководили две женщины, скорее всего принадлежавшие к высшим слоям общества. Мужчины к празднованию категорически не допускались³, а его участницы соблюдали трехдневный целибат, что подчеркивало уникальный характер *Тесмофорий* в развратных греческих городах, где господствовали мужчины.

Тесмофории проводились на холме Пникс, где по другим случаям на демократические собрания собирались афинские граждане (только мужчины). В первый день – путь вверх, женщины собирались в процессию и поднимались на холм, захватив с собой священные предметы. Достигнув открытого места – Тесмофорiona, рядами устанавливали себе примитивные навесы. Сидели и спали собравшиеся на ивовых прутьях, поскольку ива считалась непорочным деревом, которое, как говорили, успокаивает половое влечение⁴. Женщины не пользовались никакой косметикой и не украшали себя драгоценностями. Одеты они были в простые туники без вышивки.

¹ Источниками раздела о празднествах «Тесмофории» и «Бона Деа» являются: Sue Blundell, *Women in Ancient Greece*; Babette Stanley Spaehl, *The Roman Goddess Ceres*; and H. S. Versnel, *Transitional Reversal in Myth and Ritual*.

² Праздник в честь Деметры, прозванной Тесмофорой (Законодательницей).

³ На другом ночном празднестве в честь Деметры отгоняли даже псов.

⁴ Это дерево принадлежит к семейству ивовых и пахнет почти как перец.

Второй день был временем поста, воздержания и умеренности. От соблюдения поста дыхание и мокрота матрон становились настолько затхлыми, что воздух на Тесмофорионе начинал смердеть, составляя лишнюю гарантию соблюдения сексуального воздержания. Этот день поста был данью памяти горю мифологической богини, печалившейся о потере дочери, а также скорби по временам седой древности, когда люди еще не знали земледелия.

Третий день, исполненный радости, был посвящен носительнице прекрасного потомства – для женщин это был праздник плодородия и их собственной плодовитости, которую стимулировал временный целибат. Они приносили жертвы и пировали. Видимо, именно в этот день принимались за работу черпальщицы. Еще до начала празднества эти три женщины, прошедшие обряд очищения трехдневным воздержанием от половой жизни, хоронили там поросят и восковые фигурки змей и мужских гениталий. Позже, в ходе праздника *Тесмофорий* черпальщицы выкапывали и доставали разложившиеся останки. Их клали на алтари и смешивали с ритуально выращенным посевным зерном, что должно было способствовать повышению будущего урожая.

Тесмофории были праздником, уникальным в нескольких отношениях. В нем участвовали лишь замужние женщины, девушки к участию в нем не допускались. Это был единственный праздник, требовавший от мирянок соблюдать целибат как во время подготовки к нему, так и в ходе его проведения. Мужчины даже близко к этому празднеству не допускались, и достойные матери семейств нередко повторяли кровавый миф о том, что в древности во время *Тесмофорий* женщины с перемазанными кровью лицами мечами кастрировали царя Батта, поймав его, когда он за ними подглядывал. Однажды реальный мужчина – Аристомен из Мессении, подкрался слишком близко к месту проведения праздника, и участвовавшие в нем матроны пленили незваного гостя, используя в качестве оружия жертвенные ножи, вертелы и факелы.

Другой отличительной чертой *Тесмофорий* было то, что всех участниц праздника называли *мелиссаи* – пчелы, из-за мифологического сотрудничества богини с царем пчел Мелисеем. Греки неизменно восхищались простотой образа жизни и трудолюбием пчел, а также тем, что они питали отвращение к измене, которую карали нападением на изменника или тем, что улетали от него.

Во время *Тесмофорий* греческие матроны преображались в *мелиссаи* – воздерживавшихся от сексуальных отношений девственных пчел.

Учитывая подчиненное положение женщин в греческом обществе, *Тесмофории* предоставляли им исключительную возможность на три дня отвлечься от повседневной жизни, позволяя матерям семейств покидать дома и не исполнять рутинные домашние обязанности; собираться вместе; сознательно не заботиться о внешнем облике; не думать о затхлом запахе изо рта, отпугивавшем любопытных мужчин; в разговоре употреблять грубые и даже запретные выражения, свойственные лексикону мужчин, какие использовали вымышленные женщины «Писистраты». Значение этого праздника состояло еще и в том, что он опровергал представление о распутности и легкой подверженности страстям женщин, которых никто не охранял и не делал из них затворниц. *Мелиссаи* не изолировали и не контролировали, но, несмотря на несвойственное им состояние целибата и общение с другими женщинами, они выполняли важнейшие ритуалы, связанные с плодородием, которыми мужчины не осмеливались пренебрегать. Иначе говоря, воспользовавшись преимуществами этого временного целибата, чтобы отдохнуть от тяжких повседневных домашних трудов, власти мужей и строгих ограничений их повседневного бытия, замужние женщины заново утверждали для себя собственное значение в обществе. И в заключение следует отметить, что после жертвоприношений и посадки семян матроны прерывали свое непродолжительное товарищество и возвращались обратно к привычному для них подневольному состоянию в женской части дома. Их ритуальное бегство в целибат ради земледельческого плодородия завершалось до следующего года.

Благая богиня

Матроны Древнего Рима, религия которого очень походила на древнегреческую, отмечали праздник, напоминавший *Тесмофории*. Праздник Благой богини, или *Бона Деа*, был ежегодной данью римлянок древней и щедрой матери-земле. Каждый год в декабре в распоряжение Благой богини передавался дом маги-

страта, причем за день до этого оттуда не только уводили всех мужчин и животных мужского пола, но даже выносили произведения искусства, на которых таковые были изображены. Внезапно ставшая соблюдать целибат жена магистрата и служанки украшали весь дом растениями и цветами, чтобы он стал похож на сад или беседку. Лишь мирт, растение, посвященное Венере – богине любви, предусмотрительно оттуда убирался. Поскольку на время праздника предусматривалось строгое воздержание от половой жизни, такого рода растению там было не место. Хозяйка также готовила стол с деликатесами для Благой богини, чье культовое изображение переносилось туда из храма.

Скромно одетые в пурпурные мантии, туда приходили матери семейств, но, в отличие от *Тесмофорий*, в которых запрещалось принимать участие девушкам, в качестве гостей и для помощи в проведении некоторых ритуалов римлянки приглашали туда знаменитых непорочных дев – весталок. На празднике проводились кровавые жертвоприношения – от имени народа Рима там убивали и зажаривали свинью. После этого хозяйка вместе с весталками над огнем совершала возлияния. Потом женщины веселились под музыку, причем позволяли себе такое, что в другое время им запрещалось, – омывали мясо вином, которое обычно им нельзя было пить, и при этом отпускали такие скабрзные шутки, которые были свойственны языку их мужчин.

Праздник Благой богини был посвящен плодородию, достигавшемуся лишь ежегодным перераспределением ролей, когда женщины изгоняли из своей жизни мужчин и сами выполняли свойственные их мужьям функции – забивали скот, пьянствовали, сквернословили и непристойно себя вели. Женщины столь ревностно относились к своему празднику, что, когда переодетый женщиной трибун захотел к ним присоединиться, они стали его преследовать, и ему удалось избежать кары только с помощью девушки-рабыни, которая помогла ему скрыться.

Целомудрие, соблюдавшееся женщинами, имело двоякое значение. С одной стороны, оно символизировало буйную плодовитость, как следствие временной непорочности, а с другой – освобождало их от домогательств мужей – как сексуальных, так и касавшихся работ по дому. Во время праздника Благой богини весталки выполняли функцию связующего звена с божественным

началом, и их собственная временная невинность гарантировала незыблемость Рима, символом которой были ежегодные праздники плодородия, создававшие им условия для самовыражения.

Культ Исиды¹

Целибат был присущ и древнему египетскому религиозному культу Исиды, позже получившему распространение в греко-римском мире. Эта великодушная богиня², перенесенная в эллинистический Рим, нашла там широкую поддержку среди тех, кого привлекали к ее культуре духовные и физические аспекты любви. Она регулярно являлась людям во сне, призывая их к соблюдению ее ритуалов.

В культуре Исиды в Египте некоторые женщины исполняли функции жриц, а в Греции – вспомогательных ее служительниц. Женщин в культовые общества допускалось значительно меньше, чем мужчин, но храмовые и другие записи свидетельствуют о том, что в Афинах и в Риме – крупнейших культовых центрах, принимали больше женщин, чем в других областях, и культ Исиды привлекал их больше, чем любая местная религия. В Греции двумя факелоносцами и двумя толковательницами снов также были женщины.

Культ Исиды объединял особенно большое число светских приверженцев, которых можно разделить на три группы: простых верующих; ревностных поборников веры, строго соблюдавших присущие культуре обряды под предводительством жрецов; и тех,

¹ Источниками разделов о культуре Исиды, Дельфийском оракуле и особых девственницах являются: Apuleius (ред. J. G. Griffiths), *The Isis Book*; Sue Blundell, *Women in Ancient Greece*; Walter Burkert, *Ancient Mystery Cults*; Michael Grant and John Hazel, *Who's Who in Classical Mythology*; Robert Graves, *The Greek Myths*, Vol. I; Sharon Kelly Hoyeb, *The Cult of Isis Among Women in the Graeco-Roman World*; Robin Fox Lane, *Pagans and Christians*; Ovid, "Amores", in Diane J. Rayer и William W. Batshaw's (ред.) *Latin Lyric and Elegiac Poetry: An Anthology of New Translations*; Robert Parker, *Miasma*; Propertius (ред. G. P. Goold), *Elegies*; William Smith (ред.), *Dictionary of Greek and Roman Biographies and Mythology*, Vol. III; Tibullus (перевод J. P. Postgate), *Tibullus*; and Marina Warner, *Alone of All Her Sex*.

² В египетской мифологии Исида была сестрой и женой Осириса и матерью Гора.

чи функции были настолько важны, что люди нередко путали или приравнивали их к жрецам. Женщины оказывались на этом высшем уровне крайне редко.

Исида была относительно целомудренной богиней, и святые отцы раннего христианства, такие как Климент и Тертуллиан, восхваляли ее непорочных последовательниц и жриц. Культ богини носил умеренно аскетический характер и, насколько известно, не имел сексуальных символов. Его приверженцам полагалось стричь волосы и носить скромные льняные одеяния. Ритуальные процессии и молитвы, а также такие их атрибуты, как вода, благовония и музыкальные инструменты, свидетельствовали об аскетизме и чистоте помыслов.

Как мужчины, так и женщины, приверженные культуре Исиды, соблюдали целибат, что было редкостью в античном мире. Однако их воздержание от половой жизни было непродолжительным – обычно оно длилось десять дней. От женщин, собиравшихся стать сторонницами культа, требовалось соблюдать целибат перед инициацией, а потом воздерживаться от половой жизни в особые периоды. Исида в эллинистических романтических историях защищала непорочность расставшихся любовников, а женщины, стремившиеся укрыться от сексуальных домогательств, находили убежище в посвященном ей храме.

Самые благочестивые женщины прекращали супружеские половые отношения, превращаясь, по словам Тертуллиана, во «вдов». Они прерывали какие бы то ни было дальнейшие физические контакты с мужьями, причем иногда даже находили им взамен себя новых жен. Некоторые избегали контактов с мужчинами до такой степени, что отказывались целовать даже своих сыновей.

Памятники литературы повествуют о том, насколько добросовестно почитатели Исиды соблюдали требования целибата. В древнем романе Апулея «Книга Исиды» неопит говорит: «...нележкой казалось мне задачей соблюдение обета целомудрия и воздержания»¹. Делия – любимая подруга римского автора элегий Тибулла, поклонялась Исиде, и он постоянно мучился от периодического соблюдения ею целибата на протяжении десяти дней:

¹ Апулей. *Метаморфозы, или Золотой осел*, книга одиннадцатая; пер. С. Маркиша. В английском издании: *Apuleius*, 93.

Какой мне прок от твоей Исиды, Делия?
Какой толк в том, что ты покорно соблюдаешь ее обряды, если я
Припоминаю верно, купаешься в чистой
Воде и спишь без меня в чистой постели?¹

Проперций ворчал на свою соблюдавшую воздержание возлюбленную Кинфию: «Уплати мне залог за десять ночей!» И еще: «Вновь к печали моей настал этот мрачный обряд; теперь десять ночей Кинфия будет обряд соблюдать. Чтоб исчезли все эти обряды... пришедшие с теплого Нила к италийским матронам!» У самой Исиды он спрашивает: «Какая тебе выгода от того, что девушки будут спать в одиночестве?»²

Овидий, также лишенный благосклонности любовницы, присоединил свой голос к этим сетованиям: «Кто-то считает, что богиню радуют слезы любовников и ей доставляет удовольствие, когда ей поклоняются в муках те, кто в одиночестве лежит отдельно от любимых?» И, язвительно обращаясь к Исиде, добавляет: «Поскольку тебе было печально лежать в одиночестве, о, золотая богиня, теперь и я должен страдать в дни поклонения тебе?»³

Печальный тон многих поэтов, сетующих на одно и то же обстоятельство, представляет собой забавное свидетельство силы того влияния, какое Исида оказывала на своих приверженцев, в частности женщин, которые ради соблюдения священного требования целибата рисковали навлечь на себя гнев мужей или любовников. Во время этих десятидневных периодов женщины ритуально себя очищали и все это время спали отдельно на чистом белье. Огромной притягательной силой богини была ее сфера духовной и физической любви, и когда она налагала условие периодического соблюдения целибата, ее сторонницы отдавали дань мудрости Исиды в этом вопросе и с достоинством повиновались. Они шли на такой шаг, несмотря на огорчение, которое испытывали при этом их мужчины, отказывая им в доступе к телу на более долгий период, чем того требовали остальные божества в обществе, где целибат воспринимался скорее отрицательно, чем положительно. Это было своего рода проявление

¹ *Tibullus*, 207.

² *Propertius*, 219, 235.

³ *Ovid*, 493, 495.

независимости, а доброта и великодушие их целомудренной богини с лихвой оправдывали их жертву.

Дельфийский оракул

Соблюдение целибата также было важнейшим условием для женщин, которых боги мужского пола выбирали в качестве своих земных голосов. Аполлон, например, требовал, чтобы оракулы, вещавшие от его лица, в сексуальном плане были чисты, чтобы только он один имел право доступа в их тела¹. В античном мире оракулы почитались как высокоценимые божества, через своих жрецов и жриц дававшие огромному числу граждан ответы на волновавшие их вопросы самого разного свойства – чей-нибудь поклонник мог спросить: «Взять ли мне в жены эту девушку?», а осторожный дипломат мог задать вопрос о том: «Следует ли моему городу-государству объявлять войну?» Самым известным было святилище оракула Аполлона в Дельфах². Оракул давал ответы на вопросы в седьмой день каждого месяца³. Жрица, названная пифией, отвечала на вопросы после того, как впадала в транс. В эти моменты ее устами говорил Аполлон. Могло показаться, что она говорит полную чушь, но потом толмачи жрицы растолковывали ожидавшим ответа вопрошающим ее слова, обычно назидательными стихами гекзаметром. Когда визитеров было много, ответы оракула давали три пифии, работавшие посменно.

Пророческий реквизит пифии составляла чаша, установленная на шатком треножнике, которая использовалась для повседневного приготовления пищи. Перед тем как дать ответ, она осматривала козла, позже приносимого в жертву, чтобы выяснить, дрожат ли у него ноги так же, как у нее, когда ею овладевает Аполлон. В числе других ритуалов она совершала омовения в очищающих водах священного Кастальского источника.

Некогда все пифии были молодыми девственницами, но после того, как клиент совратил одну из них, правила измени-

¹ *Blundell*, 160. Оракул Зевса в Додоне должен был выполнять те же требования.

² Оно стало наиболее популярным после VI в. до н. э.

³ За исключением трех зимних месяцев, когда святилище было закрыто.

лись, и пифиями становились крестьянки не моложе пятидесяти лет, хотя в память о стародавних временах, когда молоденькую пифию лишили невинности, пифии одевались как девушки в такие одежды, которые носили и девушки, и юноши. После занятия ими своих престижных должностей они неукоснительно соблюдали целибат и, переселившись в святилище, оставляли своих мужей. Важнейшим требованием к пифии являлось соблюдение целомудрия. Аполлон не мог войти в тело, оскверненное сексуальным наслаждением с другим смертным, поэтому выбор на роль пифий женщин старшего возраста, которых уже не интересовали сексуальные утехы, представлял собой мудрое решение. Кроме того, это был пример того, как целибат женщин зрелого возраста обретал уважение и ценность, столь не свойственные ему в античном мире.

Целомудренные жрицы

Некотрые греко-римские культы требовали служения жриц-девушечниц, поэтому иногда молодых женщин готовили не столько к исполнению материнских обязанностей, сколько к религиозной деятельности. Им надлежало хранить девственность в течение долгого времени, а порой и пожизненно. Как и незамужним девушкам, им надлежало оставаться непорочными, а в противном случае они могли столкнуться с чудовищными последствиями. История Авги – дочери мифического царя Аркадии, свидетельствует о том, что могло случиться, если целибат жрицы нарушался. Царь сделал Авгу жрицей в храме Афины и пригрозил ей смертью в том случае, если она лишится невинности. Но как-то в храм заглянул великий Геракл, который был тогда в подпитии, и соблазнил Авгу рядом с источником. Она молча смирилась с насилием, и можно было подумать, что ей самой хотелось быть совращенной.

Через некоторое время на страну обрушилась моровая язва и голод. Царственный отец Авги узнал тайну дочери от Дельфийского оракула, навестил ее и увидел, что она беременна. Та рыдала и просила не лишать ее жизни, говорила, что Геракл был пьян, когда насильовал ее. «Пгунья!» – ответил ее отец и потащил дочь на базарную площадь, чтобы убить. Авга упала на колени,

привлекая внимание толпы покупателей и торговцев. Отец устыдился убивать дочь на глазах всего честного народа и отдал другому царю, чтобы тот ее утопил. Царь согласился, но позже продал ее в рабство.

Продолжение этой истории – о том, как Авга втайне родила сына Телефа, которого вскормила лань, а воспитал пастух, как она спаслась, вышла замуж и впоследствии воссоединилась с Телефом, – к повествованию о храмовых жрицах прямого отношения не имеет. Здесь важно другое: Солон издал закон, в соответствии с которым лишённые девственности незамужние женщины могли быть проданы в рабство. Потеряв невинность, они лишались всех привилегий, которыми обладали гречанки, и становились такими же, как женщины варваров – на них нельзя было жениться, и никто не имел права их выкупить.

Обычай, в силу которого жрицы должны были быть непорочны, сохранялся до наступления христианской эпохи. В период Римской империи храмы имели храмовых рабынь – девственниц, предназначенных служить соответствующим богам в качестве невест. Такие рабыни в храме Дианы (Артемиды) в Эфесе, как и весталки, должны были сохранять девственность пожизненно. Другие боги требовали от своих жриц хранить целомудрие в определенные периоды, а не всегда, и то же самое относилось к жрецам. В Фивах молодые девственные невесты Зевса избирались по принципу их физического совершенства и высокого положения в обществе. Достигнув половой зрелости, они какое-то время соблюдали траурный ритуал по Зевсу – их первому божественному супругу. После этого их выдавали замуж за соответствующих их положению мужчин.

Во всех случаях девственность составляла ритуальное требование и не предполагала никаких аскетических идеалов или истязаний плоти. Языческие религии редко требовали долговременного целибата, и общество его осуждало¹. Обычно было достаточно непродолжительного воздержания, хотя существуют редкие примеры пожизненного целибата. Как правило, жрицы могли отказаться от своих обязанностей, чтобы выйти замуж. Как мы увидим, такой воз-

¹ Parker, 77–80, приводит примеры требования краткосрочного целибата или девственности при посадке оливковых деревьев и сбора с них урожая, разведении пчел и, возможно, приготовлении пищи.

возможностью располагали даже весталки после того, как в течение тридцати лет они исполняли жреческие обязанности.

Как ни странно, невинность также могла стать причиной смерти девственницы. В периоды тяжких бедствий, например опустошительных наводнений или моровой язвы, самым поразительным искуплением становилась непорочная девушка, которую ритуально приносили в жертву соответствующему богу. Макария – целомудренная дочь Геракла, самоотверженно принесла себя в жертву, чтобы обеспечить военную победу. Так же поступили Метиоха и Мениппа после того, как оракул Аполлона объявил, что для завершения голода и засухи, поразивших их город, было необходимо принести в жертву двух девственниц. Они сами пошли на этот подвиг, убив себя челноками ткацких станков.

Однако большинство девственниц приносили в жертву насильно. Царь Демофон, например, издал закон о том, что каждый год надо убивать одну девственницу, чтобы предотвратить моровую язву, о которой его предупреждал оракул. Он выбирал жертву по жребию, но при этом всегда внимательно следил за тем, чтобы имя его дочерей в «розыгрыш» не попадало. Когда один из граждан – Мастусий, усомнился в справедливости такой процедуры, Демофон незамедлительно выбрал в качестве жертвы на тот год его дочь. В отместку Мастусий убил всех дочерей Демофона и дал их отцу выпить вина, смешав его с их кровью. Легенда не донесла до нас сведений о том, кого принес в жертву Демофон на следующий год.

Такие притчи, наверное, укрепляли у греческих девушек уверенность в том, что девственность определяет их общественную значимость, хотя, видимо, слегка их тревожили, вселяя страх перед тем, что их могут либо изнасиловать, либо выбрать в качестве очередной жертвы богам.

Весталки¹

Лучше всего из истории девственниц античности известны весталки, чьей вечной непорочности верховные власти государства и все гражданское общество вверяли безопасность Рима.

¹ Источники раздела о весталках следующие: J. P. V. D. Balsdon, *Roman Women: Their History and Habits*; Mary Beard, "The Sexual Status of Vestal Virgins";

В обмен на эту колоссальную ответственность шесть весталок жили, ни в чем себе не отказывая – им поклонялись, они занимали в обществе очень высокое положение, обладали значительным могуществом и единственные среди римских женщин обладали такими же юридическими правами, как мужчины.

Весталки были жрицами Гестии / Весты – одной из трех девственных богинь. В Риме, как и в Греции, Веста была верховным хранителем домашнего очага и священного здоровья, а потому центром каждого римского дома был посвященный ей очаг. Ежедневным напоминанием о том, что культ Весты составлял суть духовной жизни семьи и ее физического благополучия, служил обычай бросать в огонь соленый пирожок.

Весте также публично поклонялись в *Aedes Vestae*¹ – круглом в плане здании, подобии шатра военного предводителя. В этом храме помещалось национальное сокровище Рима – священный огонь государства, составлявший залог благополучия и успехов нации в целом. Все римляне знали, что, если огонь когда-нибудь погаснет, это может отрицательно сказаться даже на исходе сражений.

Ответственность за поддержание огня – вопрос жизни и смерти – возлагалась на весталок, единственной римской версии монашек. О происхождении весталок известно недостаточно. Тем не менее римляне полагали, что основателя Рима Ромула родила Рея Сильвия – весталка, забеременевшая от бога войны Марса. Возможно, первые весталки были царскими дочерьми, на которых возлагалась задача поддерживать огонь всего народа. Это может объяснить их ежегодный обряд торжественного обращения к *rex sacrorum* – царю, приносящему жертвы: «*Vigilasne rex? Vigila!*» – «Ты бодрствуешь, царь? Бодрствуй!», как вопрошали дочери царей, живших в стародавние времена².

Richard Cavendish, (гл. ред.), *Man, Myth & Magic: The Illustrated Encyclopedia of Mythology, Religion and the Unknown*, Vol. II; Jane F. Gardner, *The Legendary Past: Roman Myths*; Judith P. Hallett, *Fathers and Daughters in Roman Society*; Mary R. Lefkowitz and Maureen B. Fant, *Women in Greece and Rome*; E. Royston Pike, *Love in Ancient Rome*; Herbert Jennings Rose, *Ancient Roman Religion*; and Paul Schilling, "Vesta", in the *Encyclopedia of Religion*.

¹ *Aedes Vestae* (лат.) – храм Весты.

² Schilling, 251. В других источниках глагол *vigilo* переводится как «быть бдительным». Кроме того, в замечательной статье Mary Beard предлагается убедительное

Высочайший престиж и редкое обновление состава делало положение весталок столь же желанным, насколько исключительным. Новообращенные принимались после сложной процедуры отбора, проводившегося в среднем раз в пять лет. Сама эта процедура была жесткой: претендентками отбирались девочки от шести до десяти лет от роду, происходившие из патрицианских семейств, физически безупречные и здоровые психически, матери и отцы которых тоже пребывали в добром здравии.

На первом этапе отбора *Pontifex Maximus* – верховный понтифик или главный жрец города из всех претенденток отбирал двадцать девочек. Все имели равные шансы, поскольку будущие весталки выбирались по жребию. Как же, должно быть, волновались двадцать пар родителей и другие родственники, не говоря уже о молоденьких соперницах! Высшая точка напряжения наступала тогда, когда верховный понтифик, указывая на победительницу, брал ее за руку и произносил ритуальные слова: «*Te, amata, cario!*» – «Тебя, возлюбленная, принимаю!» Это была формула посвящения в сообщество весталок.

Новая весталка сразу же становилась новой личностью. Теперь она уже не принадлежала к собственной кровной семье, даже если речь шла о наследовании. Она освобождалась от власти отца (*patria potestas*), ей гарантировалась юридическая независимость и выделялось значительное приданое. После этого ее брали в атриум Весты – просторное помещение, примыкавшее к храму Весты, которое, как правило, до конца жизни становилось ее единственным домом.

В атриуме Весты маленькая весталка встречалась со своими пятью коллегами. Отдавала она себе отчет в том, что теперь эти женщины навсегда станут единственными близкими ей людьми? Скучала она уже по родителям, братьям и сестрам, по дому? А когда под бдительным взором старшей весталки (*Virgo Vestalis Maxima*) малышке стригли длинные волосы, дрожали у нее губки, выступали слезы на глазах?¹

доказательство того, что весталки могли являться царскими женами, поскольку их одеяния были такими же, как у римских невест, и после того, как их обрезанные волосы отрастали вновь, они одевались так, как было принято на следующий день после заключения брака.

¹ После этой первой стрижки она могла отращивать длинные волосы и делать прически, хотя слишком вычурные порицались.

Стрижкой изменения не ограничивались. Маленькая весталка снимала свою одежду и переодевалась во все белое: подпоясанную в талии веревкой длинную тунику без рукавов, на которую она накидывала еще одну свободную, широкую тунику, а голову ее покрывала похожая на диадему повязка, украшенная лентами. В таком одеянии, с покрытыми подстриженными волосами, она давала обет целибата: девочка клялась сохранять непорочность, по крайней мере, на протяжении тридцати лет. Она, конечно, не понимала тогда последствий этого обета, но по истечении трех десятилетий – первые десять лет она училась, вторые делала то, чему ее научили, а третьи десять лет обучала новообращенных – она могла уйти из весталок и вернуться к обычной жизни, от которой ее оторвали в детстве. Она могла даже выйти замуж, хотя на деле после тридцати лет привилегий и могущества мало кто из весталок отказывался от прекрасной жизни, которую они вели, чтобы выйти замуж. А те, кто все-таки на это решался, потом, как говорили, очень об этом жалели¹.

Перед избранием весталки ее родители наверняка разъясняли ей серьезность дававшегося ею обета и жуткие последствия, которые ее ждали в случае его нарушения. Но в шесть или восемь лет вряд ли девочка вполне понимала, что на деле означает этот священный целибат. Лишь годы спустя, когда тело ее формировалось окончательно, ей предстояла тяжкая борьба между охватывавшими ее сексуальными желаниями и риском быть похороненной заживо на Campus Sceleratus – Злодейском поле.

Помимо неукоснительного соблюдения целибата, главная обязанность весталок заключалась в поддержании священного огня в храме Весты. Не меньше восьми часов в день этим усердно занимались группы из двух весталок. Но иногда, несмотря ни на что, огонь гас. Наказания за это полагались жестокие. Верховный понтифик находил и наказывал виновную, отводил ее в темное место, раздевал догола, прикрыв занавеской, а потом собственноручно бичевал.

Жестокость наказания вполне соответствовала тяжести совершенного весталкой преступления, поскольку холодный пепел оставался не от обычного огня, а от символа жизни и религии

¹ Описания одежды весталок и обряд их посвящения, описанные во многих источниках, приводятся у Плутарха в «Жизни Нумы» и других произведениях современников.

государства. Если он гас – за исключением мартовских ид, когда верховный понтифик вновь возжигал огонь, – весь Рим охватывали страх и ужас. Ответственность за то, чтобы этого не произошло, возлагалась на шестерых самых превозносимых женщин Рима.

Римляне высоко ценили женскую непорочность – девственность весталок и девушек, верность замужних женщин, – в чем-то относясь к ней с таким же трепетом, как к негасимому огню, полагая, что целомудренная женщина скорее умрет, чем потеряет честь. Логическим следствием этого коллективного наваждения было требование к женщинам, ответственным за поддержание священного огня, под страхом смерти хранить невинность в течение тридцати лет. Целибат весталок служил основополагающей гарантией их чистоты и неподкупности – главных качеств, связанных с такими серьезными государственными обязанностями.

В основном весталки соблюдали данные ими обеты, и достойное поведение обеспечивало им повсеместное уважение и многочисленные привилегии. Они могли давать показания в суде, не принося присягу, им доверяли священные реликвии и ценные документы. Их повсюду сопровождали *ликторы* – официальные спутники магистратов. Если кому-то случалось толкнуть весталку, наказанием за это была смертная казнь. Весталки даже могли помиловать любого преступника, которому посчастливилось случайно встретиться с ними на улице. Не было ничего удивительного в том, что многие родители были готовы на все, лишь бы их дочурок выбрали в весталки.

А какой на самом деле была жизнь в атриуме Весты? До наступления половой зрелости и соблазнов, насылаемых буйством гормонов, жизнь весталок была вполне приемлемой и беспечной. Помимо заботы о поддержании огня, им надо было ходить за водой к священному источнику и приносить ее в чашах, установленных на голове, в атриум или в храм. Они пекли соленые пирожки для Весты и мыли полы в ее храме. Кроме того, они пекли жертвенные пироги для религиозных праздников, предварительно перемолов зерно в муку. Они участвовали в празднике *Октябрьского коня* – готовили смесь из крови и пепла коня, принесенного в жертву в честь Марса. Весталки всегда были чем-то заняты, и до достижения половой зрелости их жизнь была упорядоченной и доставляла им удовольствие.

Но когда они выросли, порой случалось неизбежное – весталки влюблялись. Немногие из них по неблагоразумию поддавались бушевавшим страстям и заводили любовников¹. Они подвергали себя отчаянному риску, поскольку тех, чье прелюбодеяние обнаруживали, обрекали на смерть. Причем смерть им была уготована особая, соответствовавшая их высокому положению. Святость не позволяла свершать над ними обычную казнь, поэтому на лишенных невинности весталок набрасывали саван, помещали в зашторенные носилки и несли как труп мимо молчаливо скорбящей как по покойнику толпы. Пунктом назначения служила маленькая подземная камера на Злодейском поле около Коллинских ворот. В этой камере смертнице оставляли немного хлеба, воды, оливкового масла и молока, чтобы римляне не могли никого упрекнуть в том, что заблудшую весталку до смерти заморили голодом. Жертва спускалась в камеру по лестнице, после чего ее в одиночестве замуровывали в этой могиле. А любовника ее засекали до смерти в каком-нибудь общественном месте².

Не все обесчещенные весталки уходили спокойно. Старшая весталка Корнелия, приговоренная без допроса свидетелей, без слушания дела, крикнула Весте: «Как может Цезарь считать меня прелюбодейкой, если мое священное служение принесло ему победу и триумф?» Потом, когда она встала на лестницу, ее саван зацепился за ступеньку, и палач протянул ей руку, чтобы помочь удержать равновесие. Вместо того чтобы опереться на протянутую руку, она отпрянула от его прикосновения, как будто, как писал

¹ *Balsdon*, 238–239, полагает, что, «несомненно, существовали периоды стойкого ослабления религиозных и моральных устоев, когда институт весталок в целом предавался разврату, и с самого раннего возраста новообращенной внушали, что надо не резонерствовать, соблюдая формальности, а следовать примеру остальных. Ей говорили, что это совершенно безопасно». Однако *Balsdon* не подтверждает свои слова документами, хотя указывает на национальные бедствия, вина за которые возлагалась на весталок, нарушивших обет целомудрия.

² Большинство источников, в которых повествуется о судьбе влюбленной весталки, цитируют описание, данное Плутархом. Смысл такого обряда состоял в том, что, если обреченная на смерть весталка оказывалась невинной, Веста должна была ее освободить. Поскольку этого никогда не случалось, каждый раз, когда весталку хоронили заживо, это считалось оправданным.

Плиний, «оберегала свое чистое, непорочное тело от его грязного прикосновения»¹.

Другой облыжно обвиненной весталкой была Клавдия Квинта. Прекрасная и следившая за модой, кокетливая, с искусно уложенными волосами, Клавдия была вальяжна и остра на язычок. Нельзя ей было отказать и в смелости, потому что, когда ее обвинили в том, что она нарушила обет целомудрия, весталка с мольбой обратилась к изображению богини: «Я не чиста, говорят. Коль клянeshь ты меня, я сознаюсь: / Смертью своей пред тобой вины свои искуплю. / Но коль невинна я, будь мне порукою в том предо всеми: / Чистая, следуй за мной, чистой покорна руке»². К счастью для Клавдии, статуя Весты как будто подвинулась, и весталка была оправдана. Весталка Туккия, которую обвиняли не только в нарушении обета соблюдать целибат, но и в кровосмешении, доказала свою невинность, сотворив чудо. Она набрала воду в решето и пронесла ее через весь город, не пролив ни капли.

Но весталки могли столкнуться с гораздо более страшной опасностью, чем обнаруженное прелюбодеяние: то был риск возложения на них ответственности за какую-либо политическую неудачу или военное поражение из-за того, что кто-то из них нарушил священную клятву соблюдения целибата. В частности, старшая весталка Корнелия явно стала жертвой такого рода интриги. В 216 г. до н. э. римские руководители приписали страшное поражение под Каннами не ошибкам на поле брани, а сексуальным прегрешениям весталок. В результате две из них – хоть, возможно, и оставались девственницами – окончили жизненный путь, задыхаясь во тьме могилы на Злодейском поле. Из десяти документально подтвержденных дел погребенных заживо весталок большинство соблюдали целибат – они стали несчастными жертвами обстоятельств³.

¹ *Balsdon*, 241–242.

² *Овидий*. *Фасты*; пер. Ф. А. Петровского.

³ Там же, 240. Тем не менее в конце II в. н. э. необоснованные утверждения относительно весталок привели к полномасштабному расследованию, и весталка была осуждена за утрату невинности. На следующий год две другие ранее оправданные весталки тоже были осуждены. В 83 и 90 гг. н. э. император Домициан заявил, что институт весталок был притоном разврата. Помимо этих исключительных случаев, большинство весталок соблюдали целибат.

Других непорочных весталок обвиняли в прегрешениях мстительные или злые рабы. Были известны и такие случаи, когда могущественные римляне провоцировали сфабрикованные обвинения ради того, чтобы создать вакансию на место весталки для собственной дочери. Поскольку существовало всего шесть весталок, неразборчивые в средствах прохиндеи полагали, что казнь одной из них ускорит процесс выборов новой хранительницы огня. А в 215 г. император Каракалла избавился сразу от трех весталок. Сначала он соблазнил одну из них, а потом сделал так, что его жертву и двух ее подруг заживо похоронили на Злодейском поле.

Несмотря на такую несправедливость, которая, к счастью, проявлялась нечасто, институт весталок продолжал существовать на протяжении долгих столетий. И действительно, он был столь могущественным и его так боялись, что в 394 г. после победы над Евгением и триумфального восшествия в Рим воинствующий христианский император Феодосий Великий распустил весталок и упразднил их священный институт.

Могущество и продолжительность существования весталок свидетельствуют о большом значении, придававшемся девственности в римском обществе. Соблюдение целибата давало им слишком много преимуществ, чтобы отказаться от него ради мирских сексуальных утех. Справедливости ради можно сказать, что жизнь весталок проходила в исключительно благоприятных условиях, сопоставимых лишь с теми, в которых жили *акльи* в древней империи инков.

ЯЗЫЧЕСКИЙ И ЕВРЕЙСКИЙ АСКЕТИЗМ

Влияние греческой философии¹

Античный греко-римский мир требовал непорочности от всех незамужних женщин и многих богинь. Большинство жриц, служивших таким целомудренным богиням, как Афина или Веста, или таким ревнивым богам, как Аполлон, были целомудренны. Те немногие из них, которые раньше были замужем, должны были неукоснительно соблюдать целибат. Но по мере того, как проходили века, философы развивали учение об аскетизме, постепенно внушавшее стремление к идеалу, превозносившему целибат и вдохновлявшему Пифагора, Платона и других философов и мыслителей.

Пифагор, философ, живший в VI – начале V в. до н. э., создал религиозное движение, соединившее учение орфиков с верованиями индийцев и персов. Орфическое учение не имело широкого распространения, оно было обращено к мыслящим людям, разделявшим его догматические абсолютные ценности, включавшие обещание вечной жизни тем, кто чист в ритуальном и физическом отношении. Для воплощения в жизнь его стремления к моральному обновлению общества Пифагор основал братство, члены которого соблюдали целибат. Свободное от экономических и политических интересов, это сообщество существовало на протяжении нескольких веков, поклоняясь религиозному культу.

Члены пифагорейской общины, включая женщин, которых принимали туда на равных с мужчинами условиях, должны были передать все свое имущество в коллективную собственность, поскольку он учил, что «у друзей все общее» и «дружба – это ра-

¹ Основными источниками этого раздела являются: Vern L. Bullough, *Sexual Variance in History*, Kenneth J. Dover, "Classical Greek Attitudes to Sexual Behaviour"; Kenneth J. Dover, *Greek Popular Morality in the time of Plato and Aristotle*; Sarah B. Pomeroy, *Goddesses, Whores, Wives, and Slaves*; Pythagoras (перевод R. S. Guthrie), *The Pythagorean Sourcebook and Library*; and Ute Ranke-Heinemann, *Eunuchs for the Kingdom of Heaven*.

венство». Он делил время человеческой жизни на четыре периода по двадцать лет каждый, соответствующих весне, лету, осени и зиме: двадцать лет человек был мальчиком, двадцать лет – юношей, двадцать лет – зрелым мужчиной, и двадцать лет – стариком. На первом этапе обучения ученики должны были слушать Пифагора из-за занавески, чтобы даже мельком его не увидеть. Через пять лет таких занятий он позволял им входить к себе в дом, где лично продолжал вести с ними беседы.

Пифагор говорил о мире, разделенном в соответствии с двумя противоположными принципами: нижним «беспредельным дыханием», которое включает тьму, четные числа и женственность; и «высшим пределом», означающим свет, нечетные числа и мужественность. Высшая душа оказалась в ловушке низменного тела наряду с фуриями порочных страстей. Чтобы освободиться и тем самым спасти свои заточенные в телах души, людям необходимо соблюдать запреты, в частности воздерживаться от половой жизни.

Однако пифагорейцы ратовали за соблюдение целибата только жарким и сухим летом, а весной и осенью – по возможности. Сексуальные отношения в зимнее время меньше ослабляли организм и потому были более приемлемы, хотя, как и все прелести любви, тем не менее, вредили здоровью. Мужчине, задавшему Пифагору вопрос о том, когда ему лучше иметь близость с женщиной, мудрец ответил: «А когда ты хочешь потерять ту силу, которую имеешь?»¹

Пифагор также подчеркивал, что половую жизнь не следует начинать до достижения мужчиной двадцатилетнего возраста, и хвалил строгость греческих правил, запрещавших заниматься любовью в храмах с женщинами, которые были чьими-то сестрами, матерями или дочерьми, иначе говоря, вообще с какими бы то ни было женщинами. Единственные половые сношения, которые он допускал, должны были иметь целью создание потомства, причем вступать в них следовало только мужу и жене.

Платон доработал и включил многие идеи Пифагора в свою чрезвычайно влиятельную философскую систему. Он тоже был дуалистом и в моральном отношении рассматривал душу как более высокую субстанцию, чем тело, мешавшее ей в достижении

¹ *Ranke-Heinemann*, 329.

ее высоких целей. В зависимости от ее выражения он рассматривал любовь как священную или как оскверняющую и унижающую. Половой акт был самой низшей ее формой, при которой человек превращался в зверя. Чтобы подняться от низших форм любви к высшим, нужно было вести добродетельный образ жизни, следуя строгим нравам, присущим учению пифагорейцев, в частности соблюдая сексуальное воздержание.

В «Республике» Платона общительный человек задал поэту Софоклу грубый вопрос о его сексуальности: «А что, Софокл, с твоим служеньем Афродите – твоя природная сила не ослабла?» На это Софокл ответил: «Умолкни, человек, я с радостью ушел бы от того, о чем ты здесь толкуешь, как будто бы сбежал от дикого и яростного хозяйского зверя»¹.

Столетия спустя после того, как Платон создал учение об идеях и вещах, христианские теологи, погружившиеся в платоновские концепции, стали его славить как христианина, жившего до рождения Христа. Его идеи были столь чисты, непреложны, вездесущи и протяженны во времени, что их можно было уподобить божествам, в противоположность вещам, явно соответствовавшим уровню смертного человечества со всей его скверной и печалью.

У стоиков было похожее учение о сексуальности. Сама по себе она не рассматривалась как нечто презренное, мерзкой она становилась лишь тогда, когда люди блудили с неумемной страстью и похотью. Но акт продолжения рода, совершаемый людьми, соединенными узами брака, считался в порядке вещей². Римлянин Сенека писал:

мудрому человеку следует любить жену рассудочно, а не чувственно. Пусть он контролирует свои порывы и не теряет голову от близости с ней. Нет ничего порочнее, чем любить жену, как любят блудниц³.

¹ *Plato*, Book I, 11.

² Все взгляды такого рода противопоставлялись снисходительному отношению греков к гомосексуальным отношениям, которые осуждались по самой своей природе за чувственное наслаждение в противовес потребности продолжения рода.

³ *Bullough*, 166. Сенека был воспитателем Нерона. Позже Нерон приказал ему покончить жизнь самоубийством.

Стоики руководствовались принципами природы, добродетели, благопристойности и умеренности, проявлявшимися в аскетической жизни, привлекавшей многих сторонников.

С течением столетий все большее число аскетов вносили весомый вклад в образ жизни, обычно включавший свободный доступ к половой жизни с рабынями, гомосексуальные связи между мужчинами и мальчиками, широко распространенную проституцию и общение – иногда на регулярной основе – с куртизанками, которых называли *гетеры*. (Характерными чертами этого общества также были договорные браки, жесткий контроль над женщинами, особенно среди высших слоев общества, и огромные штрафы за соращение невинных девушек.) Все более широкое распространение получала непорочность, часто означавшая то же самое, что воздержанность, стойкость и энергичность. Ко времени зарождения христианства для него уже сложились условия утверждения и распространения в мире, где все большую роль играли идеи сексуального аскетизма.

Подготовка эссе к Армагеддону¹

Вто самое время, когда усиливался языческий аскетизм, наряду с ним развивался апокалиптический и аскетический культ у евреев. Набожные и мессиански настроенные эссеи заявляли, что происходят от брата Моисея – Аарона. Они неукоснительно выполняли Моисеевы законы, соблюдали субботу и все праздники религиозного календаря, а также ритуальную чистоту. Они верили в наступление конца света и разделяли концепцию избранного народа. Однако здесь их представления с другими евреями расходились. Они рассматривали себя как «Израиль, идущий путем совершенствования», «истинный Израиль», и потому исключали себя из основной части еврейства как избранного народа. (В отличие от фарисеев и хасидов, называющих себя «собрание благочестивых», эссеи величали себя еврейским народом.)²

¹ Основными источниками этого раздела являются: David Flusser (перевод Carol Glicker), *The Spiritual History of the Dead Sea Sect*; Duncan Howlett, *The Essens and Christianity: An Interpretation of the Dead Sea Scrolls*.

² Flusser, 11–13.

Враждебные отношения ессеев с другими группами населения ускорили их уход в необжитые земли, где они создавали в основном мужские монастырские общины, жившие в соответствии с их уникальным учением. Они соблюдали целибат и не женились. У них не было рабов либо потому, что они выступали как поборники равноправия, либо потому, что не хотели, чтобы среди них жили иноверцы, из числа которых рекрутировались рабы. (Они ненавидели иноверцев и, в отличие от других евреев, считали, что все они обречены на адские муки. Тем не менее более умеренные, открытые ессеи из группы, жившей в Дамаске, имели рабов.) Они отвергали многие другие еврейские ритуалы, но делали жертвоприношения Иерусалиму и сами приносили жертвы.

Поселение ессеев Кумран было построено замечательно – там возвышалась башня и существовали ванны для ежедневных ритуалов омовения. Члены общины выращивали финики, делали финиковый мед, возделывали поля. Это была настоящая коммуна, где все принадлежало всем ее членам, а новообращенные должны были передавать всю свою собственность и будущие заработки в пользование общины. В результате, хоть они презирали иноверцев за их богатства, которые называли «награбленное добро», их община стала весьма состоятельной. Они размещали, кормили, одевали и заботились обо всех ее членах, включая больных, нуждающихся и престарелых.

Жизнь ессеев была незамысловатой и умеренной. Дважды в день священники готовили одно блюдо однообразной пищи, которую ели с хлебом, причем трапезы проходили в полном молчании. Иосиф Флавий, некоторое время живший вместе с ессеями, описал их повседневную жизнь. Завершив многочасовую работу, они собирались вместе, надевали белые набедренные повязки и купались в холодной воде, а потом без суеты рассаживались в ожидании трапезы. Пекарь приносил им буханки хлеба, а повар вносил блюдо с пищей одного вида. По существовавшему обычаю никто не мог вкушать еду до произнесения благодарственной молитвы, и потому до начала трапезы и по ее завершении они славил Господа за Его щедрость. После этого они снимали белые одежды и снова шли работать до наступления времени ужина.

Ессеи носили одежду и обувь до тех пор, пока одежда не превращалась в лохмотья, а обувь – в непригодные для исполь-

зования обноски. К внешнему виду они относились не без доли безразличия, воздерживаясь от умащения себя маслом, как это делали другие. Перед каждой трапезой и после каждого облегчения они совершали ритуальное омовение, скромно прикрывая наготу передником. Испражнялись они только на приличном расстоянии от поселения, вырывали ямку, прикрываясь, когда присаживались на корточки, а потом закапывали фекалии землей. По субботам справлять естественные потребности запрещалось.

Современники поражались целибату ессеев – строгому, полному, постоянному, – но находки женских скелетов на раскопках в Кумране свидетельствуют о том, что в общине были женщины. Возможно, некоторых ее членов сопровождали жены, но все они вели целомудренный образ жизни. Исследователь Давид Флуссер на основе изучения «Свитков Мертвого моря» – недавно найденных памятников литературы ессеев, полагает, что мужчины-ессеи могли жениться по достижении двадцати лет, «когда они знают, что делать», причем такие браки преследовали лишь одну цель – продолжение рода¹. Возможно, по отношению к начальному этапу это было справедливо, но другие ученые утверждают, что все ессеи строго соблюдали целибат².

Аскетизм ессеев развивался на основе совершенствования теологии, изображавшей мир сынов света, отмеченных печатью Господа, и сынов тьмы, обреченных на гибель. Ессеи все в большей степени рассматривали людей как исчадие зла, а плоть – как воплощение этого зла. Отсюда их отвращение к сексуальности, даже к ее проявлению в качестве естественных функций организма. Но, в отличие от Платона, они не рассматривали человека как поле битвы идей и вещей. Вместо этого они делили род человеческий на две части – рабов брэнного тела, или тех, чьи грехи неискупимы, и избранных, то есть их самих³.

Если в этом описании обычаев и учения секты ессеев звучит что-то странно знакомое, может быть, это связано с тем, что во

¹ *Flusser*, 31–32.

² *Howlett*, 90, пишет о том, что делать выводы в этом отношении нельзя; возможно, некогда женщины составляли часть секты, но впоследствии на всех был наложен целибат.

³ *Flusser*, 52–56. Это требование не ограничивало членство общины, в которой ко времени ее наибольшего расцвета насчитывалось около четырех тысяч человек.

многих отношениях они шли вперед – к христианству. Бегство к иночеству в необжитую глушь; затруднительный ритуал омовения, при котором даже сам его участник не мог видеть собственное тело; однообразие простой пищи и молчаливые трапезы; принудительный отказ от частной собственности; осуществление призвания каждого; спокойная уверенность в правоте поставленной цели; накопление богатств; но, прежде всего, соблюдение целибата – вскоре все эти особенности станут характерными чертами христианства и жизни в его многочисленных монастырях.

Широкая популярность секты ессеев, обеспеченная произведениями нескольких выдающихся авторов, включая Иосифа Флавия, который был свидетелем их порядков и обычаев, привела к тому, что ранние христиане хорошо их знали. В ходе организации и становления новой религии ее апологеты в значительной степени опирались на концепции дуализма Платона, опыт, процедуры и каноны секты ессеев, и в первую очередь – на соблюдение ими целибата. Именно на этой религиозной, философской и социальной почве было посеяно и пустило корни еще только зарождавшееся христианство, бесспорно ставшее со временем самым значительным и продолжительным в мире экспериментом жизни в целомудрии и безбрачии.

ЭПИЛОГ

Так вы за celibat или против него?» – постоянно спрашивают меня люди, узнав о том, что я написала «Историю celibата». Этот вопрос приводит меня в замешательство. Моя цель состояла в том, чтобы проследить историю celibата, а не оценивать его достоинства и недостатки, и только на основании этого в итоге я могла бы заявить о том, что celibat – это хорошо или celibat – это плохо. Кроме того, celibat такое сложное явление, что я становлюсь кособызычной, пытаясь отчетливо выразить в сжатой, но значимой форме ответы на надоевший мне вопрос.

В значительной степени проблема состоит в том, что celibat неразрывно связан с тем определением, которое общество дает сексуальности, и с тем, как это определение находит конкретное выражение в его семейных структурах, социальных нормах и законах. Вне рамок этого конкретного содержания celibat означает не более чем воздержание от половых отношений. По сути дела, это совершенно ничего не сообщает нам, чтобы понять, в чем такой подход выражается у миллиардов людей, чем определен их выбор, как они с ним справляются, почему иногда отвергают его, зачем их к нему принуждают, почему их обращают в состояние celibата или выводят из него.

В этой связи ответ на упрощенный вопрос «Так вы за celibat или против него?» не должен быть (и на деле не может быть) таким же упрощенным. Конечно, у меня сложилось вполне определенное мнение о celibате, и я жизненно заинтересована в том, чтобы у него было место в сегодняшнем мире, в моем собственном мире. Поэтому ответ мой должен заключаться в том, что я не за celibat и не против него, но что в зависимости от обстоятельств он может быть ощутимой жертвой или жестоким лишением, средством спасения жизни или духовным откровением.

Истинность такого ответа особенно важна, крайне необходима в западном мире, утратившем равновесие между природой и ценностью эротики. На нас обрушивают массу сексуальных образов, прежде всего в рекламе, и часто они скорее бессмысленны, чем причудливы. В расчетливо чувственные образы облакаются одежда, косметика, автомобили и даже чистящие средства для уборки дома, в то время как законы моды диктуют худосочные женщины с пухлыми губами, соблазнительно покачивающие бедрами, прохаживаясь вдоль взлетной полосы, причем нередко в таком одеянии, которое выставляет напоказ их костлявые тела, вызывающие жалость и сострадание. Даже интимные отношения оцениваются по их сексуальному содержанию: сексуальные отношения удовлетворительны? Они снимают с вас стресс? Вы часто ими занимаетесь? Вы изобретательны во время полового акта? Эти отношения вам доставляют удовольствие?

В таком мире, где господствует секс, соблюдение целибата опускается ниже плинтуса. Помимо сравнительно небольшого числа участников таких движений, как «Сила девственности», «Истинная любовь ждет», «Спортсмены за воздержание» и других убежденных холостяков, большинство людей рассматривают целибат в лучшем случае как печальное и одинокое состояние, в худшем – как неестественное, уготованное священникам и монахиням, старым девам и заключенным, а также их жалким жертвам.

И тем не менее на протяжении по меньшей мере последних трех тысяч лет во многих частях света целибат считался нормальным явлением и очень редко рассматривался как неестественное. Миллиарды людей либо добровольно выбирали для себя целибат, либо их заставляли его соблюдать насильно на протяжении самых разных периодов – от нескольких недель для китобоев до пожизненного срока для праведных монахинь или грустных и озлобленных евнухов.

Мы видели, почему это происходит. Целибат, соблюдаемый до вступления в брак девушками, остающимися девственницами, гарантирует происхождение по отцу хотя бы первому ребенку и подразумевает сохранение верности мужу в будущем. Он соединяет пропасть, разделяющую светский и сакральный миры, побуждая шаманов к общению с богами и создавая для благочестивых

мужчин и женщин возможность достижения духовного совершенства. Целибат представляет собой традиционный путь к увеличению физической силы и выносливости, достижению умственной сосредоточенности и интеллектуального совершенства.

В прошлом целибат имел особенно большое значение для женщин. В мире, где их постоянно пытались унижить, изображая неполноценными созданиями с хилым телосложением, слабыми волей, нравственностью и умственными способностями, обычаи, законы и институты тех обществ, в которых они жили, определяли их сексуальное поведение. В связи с этим в большинстве случаев им было отказано в привилегии самим решать, где и с кем они могут его проявлять. С другой стороны, многие женщины добровольно начинали соблюдать целибат, чтобы получить возможность самим решать, как поступать с собственными телами и судьбами. В отдельных случаях их преданность соблюдению целибата открывала им доступ к образованию и профессиям, обычно доступным лишь мужчинам. Однако в большинстве случаев, давая обет целибата, они стремились избежать браков, которые хотели им устроить родители с нелюбимыми партнерами, а также мучительных и часто опасных родов, следовавших за этими браками. В числе легионов других девушек кто может забыть ставшее нарицательным имя собственное Анкамбер – бородатой святой покровительницы женщин, стремящихся освободиться от своих мужей?

С течением столетий целибат стал подобен мечу с обоюдоострым лезвием. Безбрачие как добровольно избранный образ жизни может придавать человеку сил и делать его свободным, а принудительно навязанный целибат ведет к подавлению человека и разрушению его личности. В зависимости от природы воздействия целибат поддерживает или терзает, ободряет или ожесточает, защищает или унижает, утешает или наказывает.

Обычно целибат сочетает в себе элементы каждого из этих полярных воздействий, причем, как правило, какая-то одна составляющая превосходит остальные. Это особенно справедливо в случае добровольного соблюдения целибата. Девушка, еще не расставшаяся с девственностью, может страдать от безответной эротической страсти, но она знает, что делает это ради своего будущего благополучия, которое может быть обеспечено заключе-

нием достойного брака. *Брахмачарин* или священник, соблюдающий целибат в долгосрочной перспективе, может бороться с сексуальными желаниями, но он знает, что его награда состоит в достижении высшего знания или соединения с Господом. Албанская девственница или индийская *садхин*¹ обменивают удовольствие от того, что подержат ребенка на руках, на право перепахать поле, выкурить сигарету и выразаться свободно, как мужчина. Честолюбивые монахини отказывают себе в праве иметь семью, но гордятся возможностью учиться и молиться, управлять финансами монастыря и пользоваться репутацией мудрых и знающих людей. Афроамериканские шейкеры или последователи отца Дивайна должны были передать свои права на сексуальное самовыражение, но они жили в общинах, отвергавших расистские нормы внешнего мира и позволявших молиться и вести своих последователей, как белых, так и черных.

С другой стороны, те, кто стал соблюдать целибат принудительно, скорее всего, находят свои обязательства значительно более обременительными, чем несущими вознаграждение. Хранящая девственность молодая девушка, которую нужда или другие трудности вынудили навсегда оставаться в девицах, могла бы выдержать такое унижительное существование, понимая, что составляет нежелательное бремя для семьи, хоть и не рискует скончаться при родах. Индийская малолетняя вдова, возможно, воспринимает соблюдение ею целибата как еще одно из многих лишений, выпавших ей на долю, понимая его как наказание за то, что обрекла на смерть мужа своим поведением в прошлой жизни. Осужденный вор страдает от сексуального воздержания и прекращения супружеских отношений, рассматривая его как жестокую составляющую своего заключения, и не находит в этом ничего искупительного. Равным образом, нежеланная дочь, отправленная в женский монастырь и навеки лишенная счастья иметь детей, проклинает целибат, на соблюдение которого ее обрекает монашеское существование.

¹ Садхин (sadhin) – в индуизме женщина-аскет, соблюдающая целибат, живущая простой жизнью и избегающая физических удовольствий. Она не имеет права носить женскую одежду и должна коротко стричь волосы. Решение о том, чтобы стать садхин, обычно принимается в начале периода полового созревания, до начала менструаций, и оно необратимо.

Что касается насильно кастрированных евнухов, то здесь равновесия между положительными и отрицательными сторонами почти не было. Многие евнухи достигали высот власти, невысказанных для других выходцев из низших каст или классов, но навечно теряли возможность создать собственные семьи. Некоторые кастраты достигали славы и богатства благодаря их несравненно мощным, высоким и невероятно красивым голосам, но, как и других евнухов, их осмеивали, над ними потешались из-за их женоподобных тел и женственной манеры поведения.

В наше время сексуальная революция, противозачаточные таблетки и СПИД резко изменили существовавшее раньше положение вещей. Девственность в качестве необходимого условия для успешного брака значительно упала в цене, а сексуальный опыт, особенно если он повышает эротические навыки молодых людей, теперь считается скорее преимуществом, чем недостатком. Противозачаточные таблетки и другие легкодоступные контрацептивные средства также внесли свой вклад в изменение сексуального поведения благодаря снижению вероятности беременности почти до нуля. Тем не менее СПИД, который может превратить сексуальные отношения в потенциально смертельное удовольствие, в определенной степени сводит на нет преимущества противозачаточных средств, таких как презервативы и химические контрацептивы.

Эти новые обстоятельства снизили значение некоторых соображений, игравших важную роль в прошлом, прежде всего связанных с религиозными и нравственными проблемами. Равным образом они сказались на прогнозируемых социальных результатах, которые теперь в гораздо меньшей степени влияют на суждения и решения людей в плане сексуальных отношений. Вследствие этого сексуальная вседозволенность в наше время распространена гораздо шире, чем целибат. Активные сексуальные отношения, хоть и ведут иногда к фатальному исходу, составляют выбор образа жизни большинством людей, а целибат в подавляющем большинстве случаев отвергается как неприемлемое состояние, свидетельствующее о глубоких психологических проблемах или даже о жутком наказании, в чем-то сопоставимым с самой смертью.

Такое резко отрицательное отношение в значительной степени определяется ложным представлением о том, что при соблюдении

целибата полностью подавляются сексуальные желания, а образ жизни, предназначенный для людей религиозных, добровольно могут перенять только очень странные представители светского населения. Это обманчивое представление о целибате, могущем принимать необычайно сложные и самые разные формы. Как свидетельствует история его развития на протяжении тысячелетий, связанные с ним эксперименты варьировались от общинного целомудрия ессеев и шейкеров, индивидуальных обязательств отцов Церкви и Христовых невест до полного подавления всяких проявлений сексуальности у *брахмачаринов*. Целибат может быть лишен духовного содержания, как у воинов Бенина или албанских девственниц, использовавших его, чтобы выйти за рамки ограничений, наложенных на других женщин. Он может быть принудительным, как в случае с внухами или незамужними девственницами, которым запрещено выходить замуж. Его продолжительность колеблется от пожизненной у монахов или длящейся несколько десятилетий девственности у весталок до шести недель, когда его обычно соблюдал Мухаммед Али перед боксерским поединком, и временного соблюдения целомудрия шаманами, когда их готовят к тому, чтобы стать посредниками между смертными и их божествами. А еще он может быть бесплодным, как при вечной девственности «официальной» Девы Марии, или плододоносным, как при более краткой девственности еврейской девушки, родившей святое дитя в яслях, в окружении кротких животных.

Современные разновидности целибата отражают как его традиционные черты, так и современную тенденцию, сводящуюся к насмешкам над ним и презрению. Многие католические священники и монахини, например, придерживаются традиционных взглядов на библейское происхождение целибата, апеллируя к высказыванию Христа о внухах для Царства Божия. Но большое число их коллег практикуют целибат с раздражением, будучи уверенными в том, что он лишен законных оснований. Они полагают, что принуждение к его соблюдению архаично, эмоционально неоправданно и духовно не вознаграждается.

Люди, совершенно не связанные с этой категорией целибата – те, кто воздерживается от половых контактов из-за боязни СПИДа, – тоже соблюдают его вынужденно и неохотно. Эти

мужчины и женщины понимают, что презервативы могут порваться, а химические противозачаточные средства – не сработать, и потому решают, что целибат – меньшее из зол, благодаря которым можно сохранить жизнь, но тем не менее это зло.

Нельзя не отметить, что нынешние убежденные светские холостяки не разделяют такие соображения. Участницы движения «Сила девственности», например, уверенно провозглашают правоту своих убеждений – обычно коренящихся в религии, в том, что заниматься половой жизнью вне брака неправильно. Это убеждение поддерживает их на протяжении долгих лет ожидания, пока на их личном небосклоне не появится долгожданный избранник или избранница. В отличие от целибата предшествующих столетий, когда еще не состоявшие в браке люди действовали в соответствии с общепринятыми нормами своего времени, сторонницы «Силы девственности» подвергают сомнению распространенный в обществе взгляд на целибат взрослых как на странную причуду или даже отталкивающее физическое или эмоциональное расстройство.

Такое несоответствие общепринятым взглядам в равной степени относится и к соблюдающим целибат взрослым. Большинство «восстановленных» девственниц, по разным причинам раскаивающихся в своих прошлых эротических похождениях, составляют женщины, определяющие сексуальность с позиции скорее отношений в целом, чем непосредственно физической близости. Уклоняясь от половых связей, они избавляют себя от обладания объектом, оказывающим на них, как они полагают, пагубное влияние, и это позволяет им вновь обрести личную независимость, восстановить энергетику, повысить ощущение свежести восприятия и упрочить верность дружеских отношений. Многие дорожат соблюдением целибата, поскольку это состояние делает их жизнь богаче и обостряет восприимчивость. Для таких людей целибат представляет собой некое пространство, одновременно безопасное и мятежное, и потому они целенаправленно уходят от эротической близости, налагающей присущие ей обязательства и ответственность.

Других людей, соблюдающих целибат, радует ощущение повышенной духовности. В отличие от шаманов и членов монашеских орденов, эти светские люди, давшие обет безбрачия, не раз

заявляли о том, что у них возникло ощущение глубокой связи с Господом и потусторонним миром. И сегодня многие все еще говорят о погружении во внутренний мир, об умиротворенности, о более тесной связи с миром.

Мой собственный вновь обретенный целибат, о котором меня так часто спрашивают, слегка отличается от большинства его разновидностей, описанных выше. Это, конечно, объясняется тем, что большое влияние на меня оказало то, что я узнала и над чем размышляла во время работы над «Историей целибата», оказавшейся основным побудительным мотивом для моего решения. Прежде всего, я не входила в число неудовлетворенных людей, стремившихся к духовному росту или еще какому-нибудь типу внутреннего просветления. Я была и остаюсь писательницей и преподавателем, работающим со студентами, и моя профессиональная жизнь достаточно интенсивна и вполне меня удовлетворяет. Когда я дошла до заключительной стадии проекта и поняла, что на этом перекрестке жизни целибат может мне очень много предложить, я решила его соблюдать, поскольку в тот момент не имела ни перед кем никаких обязательств. Если взглянуть на мое решение со стороны, может показаться, что оно ровным счетом ничего не изменило. Но на меня переход от целибата, определявшегося сложившимися обстоятельствами, к осознанному целибату, ставшему результатом моего собственного решения, оказал преобразующее воздействие. Как и для огромного числа других людей – в истории и в настоящем, – разница в восприятии целибата определяется вопросом собственного выбора. Вместо тягостного, раздражающего и порой доводящего до отчаяния, теперь я его воспринимала с радостью и ощущением освобождения.

Со мной, как и с большинством женщин, так случилось, поскольку именно таким людям целибат несет наиболее осязаемые преимущества, а именно облегчение от отнимающих массу времени хлопот по дому, на которые обречены даже самые раскрепощенные профессионалы. Я чувствую себя особенно счастливой от того, что теперь свободна от этой стороны стеснявших меня раньше отношений. Теперь мне не надо ничего заранее планировать, покупать, готовить, подавать, мыть накопившуюся за неделю посуду, гладить мужские рубашки – раньше я имела глупость хва-

статься тем, что делаю это лучше, чем в химчистке, – или отвечать на доводивший меня до белого каления вопрос: «Дорогая, а где мои носки?»

За право жить в своем собственном ритме и организовывать свои дни так, чтобы они соответствовали моим потребностям, я расплачиваюсь сексуальными отношениями. Я бы могла, конечно, время от времени доставлять себе удовольствие от случайных встреч, не глядя ни одной рубашки и не разыскивая никакие исчезающие носки, но такая перспектива меня не прельщает. Я предпочитаю более простой путь полного отказа от сексуальных отношений. Надо сказать, что у меня есть несколько близких друзей-мужчин, и я полагаю, что наша эмоциональная близость сейчас находится в большей безопасности, потому что теперь ее не смогут осложнить никакие привходящие обстоятельства.

Тем не менее мой личный опыт не является общей рекомендацией. Если бы в прошлом я не была замужем и не рожала, то теперь не считала бы целибат настолько привлекательным. Для меня соблюдение целибата не требовало принести в жертву ни с чем не сравнимую радость, испытываемую, когда баюкаешь младенца, когда растишь его, живя одной жизнью с этой плотью от плоти твоей. Я даже не ставлю перед собой вопрос о том, смогла бы я в молодости выбрать целибат.

Я отличаюсь от многих других людей, соблюдающих целибат, и в другом отношении – он ничего не дает мне в плане духовного озарения. За духовностью я обращаюсь к исповедуемой мною религии – христианству, но изучение его корней при проведении исследований в ходе работы над «Историей целибата» вместо этого привело меня к потребности бороться за сохранение моей религиозной веры. Долгая история целибата восходит к самой сути христианского вероучения, и его пренебрежительное отношение к женщинам, как и исходное женоненавистничество, причинило мне лично сильную боль. Но в итоге примеры такого большого числа храбрых и энергичных упомянутых мною женщин, а также недавние назначения епископами моей Англиканской церкви Виктории Мэтьюз и Анны Тоттенхэм, которых я знаю и восхищаюсь ими, возобладали над чувствами обиды, несправедливости и сомнений. Поэтому теперь я вернулась в лоно христианства, хотя и в собственной нетрадиционной его версии. Теперь я

читаю Символ веры моей Церкви с мысленными оговорками, толкую Священное Писание по-своему и с презрением отношусь к учению моей религии о роли женщин. В моем случае история (в отличие от практики) целибата потрясла и изменила меня, но не смогла разрушить мою веру.

«История целибата» представляет собой описательное и аналитическое повествование, она не направлена на поддержку целибата и не выступает против него. Перенесенная из тьмы на свет история свидетельствует о том, что целибат определяется все теми же основополагающими элементами человеческого бытия: сексуальностью, полом, положением и ролью в обществе, а также коллективной и индивидуальной реакцией на эти обстоятельства. Неисчислимые массы людей избирали соблюдение целибата, который придавал им сил и энергии, а также делал их свободными. Современники, наделенные творческим воображением, могут по-другому отнестись к этому явлению и дать ему свое уникальное определение. Тогда, в соответствии с их собственными индивидуальными потребностями, пристрастиями и желаниями, они смогут выбирать, соблюдать им целибат или отвергнуть его. В любом случае, основополагающим здесь является вопрос выбора.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Работа над «Историей celibата», исследования и написание самой книги, заняла почти восемь лет моей жизни, но на протяжении этого времени я редко бывала одна. На разных стадиях проекта со мной работали многие люди.

Хочу выразить глубокую благодарность за помощь в исследованиях, энтузиазм и творческую поддержку Дону Буту, Мередит Бёрнс-Симпсон, Кристине Кук, Захре Хамирами, Мариан Хеллсби, Еве Кэйтер, Энтони Маяданну, Полу Мейеру, Гэри Петерсу, Радхике Самбамурти, Киму Реауме и Элаин де Ври.

Я в неоплатном долгу перед моей сестрой Луизой Эббот за ее издательские предложения и моей матерью Мариной Эббот за ее неутомимую работу с газетными вырезками.

Мои друзья и соратники по перу Пеги Довер, Крис Даннинг, Гидеон Форман, Лори Фримэн и Анита Шир-Джейкоб стали для меня неистощимыми источниками вдохновения и поддержки. Долорес Чикс всегда была готова мне помочь и поддержать меня во всем, не сомневаясь ни секунды в том, что сделать это мне по плечу.

Полет Буржуа была для меня как Гибралтарская скала, добрейшая и мудрейшая из подруг, которая давала мне утешение и дельные советы, критиковавшая меня и всегда подбадривавшая.

На протяжении всех этих лет на лето мне предоставляли прекрасные условия для работы над книгой их преподабодия Джоель и Ивонна Трамбле, их преподабодия Даниель и Эвелин Пуарье, Лорна Лебрюн и мои кузены Ян Григтс и Дениз Пауэлл.

Его преподабодие Ланс Диксон укреплял мой дух спокойным советом, духовным наставничеством и оказывал мне практическую помощь в трудные времена.

Я безмерно признательна моим друзьям Мишель Леру, Джону Макинinchу, Дженису Рапорту и Дугу Донегани, а также Саре Рид и моей падчерице Лизе Нэмфи за любовь и поддержку.

Надеюсь, что несколько прошедших лет вдохновят моего сына Ивана Гиббса на создание собственной книги.

Айрис Тафолм, издательница «Харпер Коллинз», думала о другой книге, пока не увидела полки, забытые папками с моими исследовательскими материалами, не выслушала меня и не поверила в мой замысел. Спасибо тебе, Айрис, за то, что ты такой прекрасный специалист.

И редактора моего Николь Ланглуа я хочу поблагодарить за то, что она с такой самоотверженностью взялась за работу над этим необъятным проектом. Широта твоих знаний вызывает глубочайшее уважение.

Мой агент Хайде Ланж с самого начала разделяла мои мечты.

Я высоко ценю тот факт, что после первого года работы Программа рабочих исследований Университета Торонто одобрила мой проект и мне больше не приходилось выкраивать средства для оплаты услуг моих помощников в исследовании. На протяжении двух лет Программа летнего профессионального обучения также оказывала мне поддержку.

Следуя известному принципу, гласящему, что самую глубокую благодарность принято высказывать в конце, я хотела бы обратиться с этим чувством к моим помощникам в исследовании Келли Томас и Михалу Каспшаку. Беспредельный восторг Келли по поводу каждого нового открытия, ее поразительные способности к анализу и глубина исторических знаний были под стать только ее исследовательским навыкам и исключительному упорству. Когда к нам присоединился Михал, она заразила его своей преданностью этому проекту. Мне никогда не забыть расплывающихся очертаний последних дней работы над проектом, наполненных мозговыми штурмами, испеченным дома хлебом, постоянно крепко заваренным чаем и нашей общей радостью, когда работа над книгой была, наконец, завершена. Еще хочу поблагодарить Габриелу Паулус, которая всецело отдалась делу в самые последние дни лихорадочной работы. И в заключение приношу свою благодарность ректору Тринити-колледжа Тому Делуорту за понимание потребностей пишущего декана.

Научно-популярное издание

ЭББОТТ ЭЛИЗАБЕТ

ИСТОРИЯ ЦЕЛИБАТА

Перевод с французского *М. М. Гурвица*

Редактор *канд. ист. наук Е. А. Воронцова*
Художественное оформление: *А. Б. Архутик*
Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.01.2016 г.
Формат 60х90/16. Гарнитура «GalsLight».
Печ. л. 53,25 пл. Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательство «Этерна»

115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30